Сделай шаг

Автор:
Эстель Маскейм

Сделай шаг

Эстель Маскейм

У Маккензи куча проблем. Да и у Джейдена серьезный бардак в жизни. И бешеная страсть, вспыхнувшая между ними, подливает еще больше масла в огонь. Чтобы не сгореть в этом пламени, они решают расстаться. Вот только как игнорировать свои чувства? Ведь вселенная постоянно сталкивает их. А может, пора перестать сопротивляться и сделать шаг навстречу друг другу?

Эстель Маскейм

Сделай шаг

Посвящается тебе, мамочка.

Ты – моя лучшая подруга и самое главное в жизни.

Люблю тебя больше всех на свете.

Estelle Maskame

Dare to Fall

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Estelle Maskame 2017

© Белышева О., перевод на русский язык, составление, предисловие, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Благодарность

Хочу выразить бесконечную благодарность своим читателям, особенно тем, кто поддерживает меня с самого начала.

Спасибо издательству Black amp; White за приятную работу с потрясающей командой и за то, что, несмотря на мою неуверенность, продолжали верить в меня. Спасибо Меган, что помогла сделать эту книгу именно такой, как я ее себе и представляла. Спасибо Янне, которая всегда была готова обсудить мои задумки, и Лине – за то, что убеждала меня, что все будет хорошо. Так и вышло.

Спасибо моим лучшим подружкам – Хизер, Рейчел, Кирсти и Морган – за смех, за слезы, за все эмоции, так необходимые мне после долгих недель работы над книгой. И за совместное поглощение огромного количества куриных наггетсов.

Спасибо всем девчонкам из группового чата молодых авторов – всех вас не перечислить, но вы и сами прекрасно знаете, о ком речь. Каждый из вас вдохновляет меня. Спасибо за поддержку, ободрение и долгие ночные

переписки.

Спасибо Дону Макбрейну из «Саммита» в Виндзоре за ответы на все мои вопросы, а также МакКенне Гиллот и Калебу Бэнгсу из Виндзорской высшей школы – за помощь в разъяснении фактической информации относительно школьной рутины, включая расписание уроков.

И наконец, благодарю своих родных за то, что терпели меня в течение долгих напряженных месяцев, пока я писала эту книгу. Мы большая семья, а ваша любовь и поддержка – еще больше. И самое важное – спасибо маме и папе за то, что позволили мне осуществить мою мечту и во всем поддерживали. Я очень вас люблю.

Глава 1

Никогда не понимала, почему понедельник считается худшим днем недели. Я настаиваю: на сию роль куда лучше подходят воскресенья. Такие тихие и спокойные, аж бесят. Может, оттого, что полгорода направляется утром в церковь? А другая половина остается дома в надежде приготовить что-то вкусненькое, но в конце концов отказывается от этой идеи и заказывает еду на дом. По крайней мере, в моей семье именно так. Или же воскресная тишина связана с тем, что школьники сидят по домам, потея над домашними заданиями, лихорадочно пытаясь завершить их в срок? В то время как остальные просиживают в кафешке «Дэйри Куин». Пойти-то больше некуда. Мы как раз из этих, последних.

– Будешь еще?

Только сейчас я поняла, что, оказывается, маленько отключилась. Отрываю взгляд от столешницы, моргая, таращусь на Холдена и выпрямляюсь. Даже не заметила, когда он успел подняться со своего места.

– Чего?

Холден кивает на мою чашку с остатками кофе.

– Будешь еще? – повторяет он.

– А… Нет, спасибо.

Он направляется к стойке, чтобы сделать новый заказ, наверное, уже пятый за сегодня. Потираю лицо и запоздало вспоминаю про два слоя туши. Тихо выругавшись, хватаю телефон и включаю камеру: отлично, теперь вокруг глаз красуются черные размазанные пятна. Кое-как пытаюсь исправить ситуацию с помощью салфетки, но все становится только хуже.

Уилл усмехается, пожевывая трубочку, торчащую из бокала с шоколадным коктейлем. Я одариваю его мрачным взглядом и запускаю в него скомканной салфеткой, но он успевает увернуться.

– Видок у тебя как с похмелья, – заявляет он, выпрямляясь и откидывая с глаз чуб.

Не помню, когда Уилл в последний раз стригся, но поход к парикмахеру ему определенно не помешал бы.

– Просто устала.

Вздыхаю и перевожу взгляд на стол. Настоящая свалка! По воскресеньям у нас только одно развлечение – еда, поскольку в нашем городишке заняться больше абсолютно нечем. Полдюжины пустых чашек, три из которых – мои, обертки от закусок – Холдена и стаканчики из-под мороженого – Уилла.

– Видала, кто пожаловал? – тихо спрашивает Уилл, перегнувшись через стол и многозначительно глядя мне за плечо. – Давненько не видел ее на людях.

Я медленно оборачиваюсь и вижу Даниэль Хантер.

Она сидит в кабинке у двери, сжимая в ладонях чашку и наклонив голову так низко, что пряди черных волос скрывают лицо. Три девушки рядом с ней оживленно о чем-то щебечут, а Даниэль не отрывает взгляда от стола, глубоко погруженная в себя. Гляжу на нее из другого конца кафе, и к горлу подбирается комок. Вот так сюрприз. Даниэль редко появляется на публике. Пожалуй, кроме

школы и не ходит никуда.

– Ничего себе, – задумчиво бормочу я, поворачиваясь к Уиллу.

Еще раз украдкой взглянув на Даниэль, чувствую на душе печаль. Я давно с ней не общалась и надеюсь остаться незамеченной, однако ее одиночество меня тронуло.

К столу подходит Холден с очередным бургером, уже третьим по счету, и усаживается рядом со мной. Вчера его футбольная команда проиграла сборной Пайн-Крик, поэтому он мрачен и разочарован, а мы с Уиллом решили не касаться животрепещущей темы.

– Клянусь, это последний, – говорит Холден, откусывая огромный кусок.

Я искоса бросаю на него недоверчивый взгляд.

– Да уж, конечно, – саркастически замечает Уилл.

Ему, похоже, нравится поддразнить Холдена, хотя его подколы обычно безобидны и даже забавны. Он откидывается, прикрывает глаза и отворачивается.

Проверяю время на телефоне, а Холден жадно поглощает свой бургер. Уже полдесятого вечера, скоро администратор начнет обходить кабинки и выпроваживать посетителей, ибо пора закрываться. Я толкаю Холдена локтем.

– Дай-ка мне пройти. Сейчас вернусь.

Крепко держа бургер, Холден неохотно сдвигает колени в сторону, чтобы меня пропустить. Со вздохом похлопываю его по бицепсу и, решив нарушить договоренность с Уиллом, говорю:

– И хватит уже себя терзать!

Футбольный сезон только начался, и было просто невыносимо созерцать недовольство Холдена каждый раз, когда его команда проигрывала. Он всегда

переживал матчи весьма эмоционально, но в этом году это проявлялось как-то особенно остро. За весь вечер он обмолвился только парой слов.

– В пятницу игра со сборной Брумфилда, верно? Вы их порвете, не сомневайся! – заверяю его, протискиваясь к выходу.

Холден пожимает плечами и печально усмехается:

– Поживем – увидим.

– А ты по-прежнему красноречив, – язвлю, закатив глаза.

Уилл со вздохом приоткрывает один глаз и невозмутимо произносит:

– На сей раз соперник-то полегче будет. Может, даже мяч поймаешь.

С самодовольной улыбкой он снова закрывает глаз. Холден бросает в него скомканную упаковку от бургера, метко попав в лоб бумажным шариком.

– Лови, урод!

И ухмыляется. Вот же дурни.

Предоставив их самим себе, я иду в туалет. Чем ближе к десяти вечера, тем меньше народу в «Дэйри Куин», хотя несколько школьников все еще тусуются. Когда нас попросят освободить помещение, останется только один путь – домой. Проходя мимо столика с Джесс Лопез, с улыбкой киваю, но не останавливаюсь поболтать, потому что незнакома с ее спутницами.

Захожу в тесную уборную, запираюсь в одной из трех крошечных кабинок и отправляю папе сообщение, что буду дома в течение часа, смирившись с фактом, что воскресенье почти закончилось. Кладу сотовый в карман, распахиваю дверцу и… Сердце екает при виде неподвижной фигуры, застывшей у раковин. Я не слышала, чтобы кто-то входил, и, узнав Даниэль Хантер, замираю. Она стоит ко мне спиной, но наши взгляды встречаются в зеркальном отражении.

С прошлого года мы перекинулись лишь парой фраз. Во-первых, почти не пересекались, а во-вторых, я понятия не имела, как себя вести и что говорить, и потому просто молчала. Что скажешь человеку, пережившему утрату родителей? Ума не приложу. Да никто не знает.

Но сейчас нельзя просто опустить взгляд и уйти как ни в чем не бывало. Теснота помещения вдруг стала ощущаться с особой ясностью. А Даниэль все смотрит на меня своими голубыми глазами, цвет которых так резко контрастирует с угольно-черными волосами, и ее лицо не выражает никаких эмоций.
Я сглатываю, прохожу к самой дальней раковине и открываю кран, уставившись на воду, которая омывает ладони. Что сказать? Знаю, что должна, но совершенно нет идей. Пока обдумываю, удачный ли момент начать беседу, от напряжения к щекам приливает кровь. Я всегда хотела сделать первый шаг, однако так и не смогла. Опять смотрю в зеркало и убеждаюсь, что Даниэль не сводит с меня глаз. Сейчас решусь. Вот наберусь смелости и начну, главное – не передумать. Собрав волю в кулак, заставляю себя поглядеть на нее, выдавливаю улыбку, стараясь выглядеть естественно и непринужденно, однако переигрываю, и Даниэль это понимает.

– Привет, Дэни! – говорю я, и от звука ее имени по телу бегут мурашки. – Рада, что ты выбралась погулять.

Она прищуривается, и моя улыбка сползает с лица, поскольку притворяться больше нет смысла, ведь Даниэль прекрасно знает, что скрывается под маской показного веселья: на самом деле я смотрю на нее точно так же, как и все остальные – с жалостью. В ее голубых глазах отражается удивление от того, что я решилась на разговор. Ответа не следует. Даниэль глядит в зеркало, опершись руками о край раковины, и ни один мускул не дрогнет на ее лице. Молчание Дэни хуже любого ответа, ведь теперь у меня нет ни малейшего представления, что делать дальше. Первый шаг сделан, я выразила дружелюбие, однако она, похоже, его не оценила. Безучастное лицо, застывшие черты, по которым никак не понять, о чем она думает.

У Хантеров выдался тяжелый год, об этом знает весь Виндзор[1 - Виндзор – город в штате Коннектикут (здесь и далее прим. переводчика).]. Смерть родителей изменила Даниэль, сломала ее. Помню ее длиннющие светлые волосы, волнами струящиеся по спине, ее вечный румянец и самый звонкий в школе смех. Год назад она была совсем иной, но разве можно ее винить? Все помнят о трагедии в семье Хантер и не знают, как себя вести. Особенно я.

Собственно говоря, в этом году я избегала не только Даниэль, но и ее брата-близнеца Джейдена, который по-прежнему улыбается мне при встрече. Поболтать с ним у меня никак не хватает духу, и к тому же я ужасно боюсь, что он, как и его сестра, изменился. Не могу к ним приближаться. Не могу совладать со страхом сморозить глупость. Не могу соприкасаться с такой страшной утратой. Не потому, что не хочу, боже мой, нет, конечно! Я просто… не в силах.

Мокрыми руками выключаю кран и быстренько вытираю ладони о джинсы. Пытаюсь снова посмотреть на Даниэль, избегая при этом прямого зрительного контакта. Глаза у них с Джейденом так похожи. Дэни продолжает молчать, и надо бы заполнить паузу и сказать что-то еще. Неловко упоминать сейчас ее брата, но я гоню страх прочь и тихо произношу:

– Как дела у Джейдена?

Я ни разу об этом не спрашивала, хотя следовало бы. Опасаясь ответа вроде «о'кей» или «нормально», жду, затаив дыхание и сочувственно приподняв брови.

Даниэль опускает голову, и челка закрывает ее глаза.

– А что? – тихо спрашивает она враждебным тоном. – Тебя это вряд ли волнует.

Ошеломленно таращусь на нее. Год назад мы дружили. Она подшучивала, мол, если мы с Джейденом поженимся, то мы с ней типа станем сестрами, а ей всегда хотелось иметь сестру. Мне тоже, хоть я никогда не произносила это вслух.

– Дэни…

– А если бы волновало, – продолжила она, повернувшись ко мне, – то спросила бы год назад, когда…

И умолкла. Впрочем, я поняла, что Даниэль имела в виду: год назад, когда погибли их родители.

– Дэни…

Качаю головой и шагаю к ней. Я совсем не готова ссориться с Даниэль Хантер в уборной «Дэйри Куин».

– Мне не все равно, и ты знаешь.

– В таком случае свой интерес ты проявляешь весьма странным образом, – говорит она уже мягче, отворачивается к зеркалу, убирает с глаз челку и направляется к выходу. Затем останавливается и, оглянувшись, произносит:

– Я передам Джейдену привет.

Ее слова повисают в воздухе, и я, пялясь ей в спину, чувствую себя самой крошечной на всем белом свете. А чему тут удивляться? Вряд ли стоило надеяться, что она будет общаться со мной как раньше. Я и сама теперь говорю с ней иначе. Однако меня всегда страшило, что такой момент когда-нибудь настанет. С того дня, как я отстранилась от Хантеров, наши отношения пошли наперекосяк, но выбора у меня не было.

Чтобы Холден и Уилл меня не хватились, глубоко вздыхаю, выхожу из туалета и иду к нашей кабинке. Посетителей уже почти не осталось, кроме нас и компании Дэни, да и те, похоже, собираются уходить. Приблизившись к столику, толкаю Холдена локтем, заставляя подвинуться, и сажусь рядом. Лицо пылает огнем.

Заметив мое смущение, Уилл тут же выпрямляется.

– Что стряслось?

– Только что говорила с Даниэль, – шепчу я. – Впервые с…

Запинаюсь и вглядываюсь в лица друзей, пытаясь угадать их мысли. Холден хмурится, отодвигается, отворачивается к окну и начинает пристально разглядывать парковку. А вот Уилл явно заинтересован.

– Ты с ней говорила? – переспрашивает он.

– Пришлось. Столкнулись нос к носу.

Ставлю локти на стол, роняю голову в ладони, закрываю глаза и издаю глухой стон. Меньше всего я жаждала общаться сегодня с Даниэль Хантер. И уж тем более не хотела, чтобы наш первый разговор состоялся в туалете «Дэйри Куин». Надо было сказать ей что-то еще. Или совсем другое.

– Ясно одно. Она меня ненавидит, – мычу я.

– Что ж, – задумчиво бормочет Уилл, и я медленно поднимаю на него взгляд. – Было бы глупо ожидать иной реакции… В конце концов, она понятия не имеет, почему ты перестала с ней дружить.

– И что с того? – вмешивается Холден, резко поворачиваясь к нам. – Да, она их избегает. Как и все остальные. Но не потому, что жестокая.

Он смотрит на меня, ища подтверждения своим словам.

– Порой выбирать не приходится. Верно, Кензи?

Нахожу в себе силы кивнуть.

В следующую секунду словно из-под земли возникает администратор и вежливо просит нас удалиться, потому что через десять минут закрытие, а им надо закончить уборку. Оглядываюсь вокруг и понимаю, что, кроме нас, посетителей не осталось.

Выбрасываем свой мусор и выходим на парковку, где нас ждет ярко-красный «Джип Ренегат» Уилла, отполированный и сверкающий в свете фонарей, и, когда мы направляемся к нему, Холден хмурится. Его родители, в отличие от предков Уилла, не богаты и погрязли в долгах. Прошлой осенью они продали свой автомобиль, и потому он теперь зависит от Уилла, как и я. Мама иногда разрешает мне кататься на своей машине, но разве можно сравнивать…

Уилл занимает место водителя, я юркаю на переднее пассажирское сиденье и успеваю захлопнуть дверь перед носом у Холдена, отчего тот мрачнеет еще сильнее. Показав ему язык, инстинктивно тянусь к рычажку климат-контроля и включаю обогрев. Сейчас сентябрь, и ночи становятся все холоднее. Холден пробирается на заднее сиденье. Рост у него больше шести футов, и даже в

таком просторном салоне ему приходится немного пригибаться – мне ужасно смешно наблюдать, как он подпирает потолок макушкой.

В Виндзоре по воскресеньям в столь поздний час заняться особо нечем. Большинство заведений закрыто, и все уже сидят по домам. Темнеть стало раньше, а наутро – кому в школу, кому на работу… Однако мы решаем прокатиться по городу, вдоль магазинов и закусочных проспекта Мейн-стрит к просторным полям на городской окраине, после чего Уилл предлагает развезти нас по домам.

Я выхожу первой, мы успеваем как раз к одиннадцати вечера. Выходя из машины, напоминаю, что увидимся завтра утром, когда Уилл заедет за нами перед школой. Друзья терпеливо ждут, пока я подойду к двери и, как обычно, помашу им на прощанье, и только потом стартуют. Вскоре музыка, включенная Холденом, затихает вдали.

Слышу голоса родителей, в основном папин. Он мягко и вежливо о чем-то спорит с мамой, но, судя по тону, они не злятся, а, скорее, чем-то встревожены: тихое выяснение отношений, типичное для нашей семьи.

Сбрасываю балетки, запираю дверь и неслышно ступаю по ковру в гостиную, где по телику с приглушенным звуком идет трансляция сегодняшнего матча НФЛ. Мама, вытянувшись в струнку, сидит на краешке дивана. Усталый потухший взгляд, крепко сжатые губы, спортивный костюм, волосы собраны заколкой, ноль косметики – вполне обычный для воскресенья вид. Папа стоит напротив нее в противоположном конце комнаты. На кофейном столике между ними бокал из-под вина со следами губной помады на ободке. Помнится, когда я уходила, мама наполнила его шардоне, пообещав, что на сегодня это первый и последний раз. Она всегда так говорит. Только вот бутылка в руках отца совершенно пуста.

– О, Маккензи, – говорит папа со вздохом, прячет от меня бутылку за спину и хмурится. – Ты так тихо вошла.

Сдержанно улыбаюсь и молчу, сосредоточенно глядя на маму. Ростом я в отца, но все остальное во мне – от нее: и карие глаза, и высокие скулы, и крепкая челюсть.

– Я спать, мам, – мягко говорю и опускаюсь рядом с ней на колени.

Она не пьяна. Одной бутылки теперь недостаточно. Но это озлобленное выражение лица появляется у нее уже после пары бокалов.

– Может, и тебе пора? – спрашиваю я, касаясь ее руки.

Мама смотрит в пол и некоторое время не двигается. Поднимает тяжелые веки и глядит на отца, как будто это он виноват и сам открыл для нее бутылку. А затем расслабляется, вздыхает и кивает, глядя на меня карими глазами.

Я поднимаюсь и тяну ее за руку. Наши пальцы переплетены. У нее теплые ладони, некоторые ногти сломаны, она в последнее время не особо следит за маникюром. Папа смотрит на меня с благодарностью, однако глаза полны стыда, даже вины. Я машу ему свободной рукой и веду маму из гостиной по коридору в спальню. Включаю свет и стискиваю зубы при виде чудовищного беспорядка. Свежепостиранные вещи кучей валяются на полу, не заправленная с утра постель, наглухо задернутые шторы. В эту комнату крайне редко проникает солнечный свет.

Мама садится на край кровати и пытается меня подбодрить вялой улыбкой, которая ничуть не убавляет моего раздражения.

– Всего пара бокальчиков, – говорит она, театрально закатывая глаза. – Твой отец преувеличивает.

Вряд ли преувеличивает. И вряд ли обошлось парой бокалов. Я молча сгребаю одежду на полу, складываю стопкой и убираю в шкаф. На туалетном столике рядом со старой фотографией – где папа с волосами, а я без передних зубов – стоит другой бокал. Пустой, со вчерашнего дня.

Закусываю нижнюю губу, наклоняю голову и аккуратно притворяю дверцу. Мама уже встала и шаркает тапочками по комнате. Хватаю бокал и поворачиваюсь к ней, пряча его за спиной. Изнутри распирает разочарование, но я скрываю его и выдавливаю улыбку.

– Я ужасно устала, поэтому поговорим завтра. Уилл заедет за мной в полвосьмого.

Мама ничего не отвечает, однако замечает, что я стащила бокал, и хмурится. Ее губы подрагивают, она прищуривается, делает вид, что не заметила пропажи, и начинает взбивать подушки. Выхожу из спальни и закрываю дверь.

В коридоре верчу добычу в руках и так крепко сжимаю стекло, что, кажется, еще чуть-чуть – и оно лопнет. Появляется папа, и я ослабляю хватку.

Он стоит в проеме гостиной, облокотившись о дверной косяк, и выглядит виновато.

– Дай-ка сюда.

Шагает ко мне и осторожно вынимает бокал из моих напряженных пальцев.
В другой руке у него бокал из гостиной.

Папа слишком молодой, чтобы лысеть и иметь столько морщинок. И каждый раз, когда он несет в мойку очередной бокал, у отца появляется этот печальный взгляд, который старит его еще больше. Он проходит по коридору мимо меня в темную кухню, а я стою и слушаю звук бегущей из крана воды.

Пока отец смывает мамину помаду с ободка бокала, мой взгляд останавливается на столике в прихожей. Там стоят фотографии: на одной – свадьба родителей, на другой – мой первый день в детском саду, и волосы перевязаны дурацкими яркими резиночками. А посередине – третья рамка, светло-розовая. На ней никогда не бывает пыли: мама протирает ее минимум дважды в день. Пять аккуратных розовых букв – все, что осталось нам в память о ней. Незатейливый сувенир, одно лишь имя, поскольку больше никаких следов мы сохранить не успели.

Нам не суждено было увидеть малютку Грейс, но мы никогда ее не забудем.

И хотя Даниэль Хантер считает, что мне наплевать на нее и на Джейдена, я сопереживаю им как никто другой. Просто меня страшит прикасаться к чужой беде, потому что я знаю цену утраты и то, как горе меняет людей.

В свое время оно изменило и нас самих.

Глава 2

Кто придумал поставить физику первым уроком в понедельник? Какой-то садист, не иначе. Мне она нравится, честное слово, но только не в восемь утра. К тому же идет всего четвертая неделя семестра. Зачем я только сунулась в класс отличников…[2 - Учебный курс с углубленным изучением предмета, выбираемый школьником в США в зависимости от его пожеланий и способностей.] В такую рань мы ничего не соображаем, и фразочки типа «статическое равновесие» просто не усваиваются.

Склоняюсь над партой и опускаю голову на тетрадь с домашкой, которую Уилл наспех списал у меня утром на парковке. Не пойму, отчего он не справляется сам. Ведь он гораздо умнее меня и единственный из нас троих планирует учиться в колледже за пределами Колорадо. Мы с Холденом, скорее всего, останемся в штате, а вот родители Уилла могут обеспечить ему переезд из Виндзора куда его душа пожелает. Порой мне и самой хочется уехать.

Открываю глаза, но головы не поднимаю. За соседней партой Кейли Такер одной рукой держит телефон на колене и строчит эсэмэски, а другой что-то пишет в тетради. Скорее всего, выводит каракули. Сидящий за ней Уилл грызет ручку и, склонив голову набок, сосредоточенно слушает разглагольствования мистера Экера о законах Ньютона. Я непроизвольно расплываюсь в улыбке, глядя, как Уилл слегка хмурится после каждого незнакомого термина из уст учителя. Проходит не менее десяти минут, прежде чем он наконец замечает, что я на него таращусь.

– Что за бред? – беззвучно шепчет он, показывая на доску.

Я пожимаю плечами, так как последние полчаса совершенно не слушала урок. Уилл, словно сдаваясь, кладет ручку на стол и в сотый раз за сегодня откидывает с глаз волосы.

Помню, как в первый год обучения в средней школе никто не верил, что мы с Уиллом только друзья. И с Холденом, кстати, тоже. Окружающие наверняка поражались, как можно было не встречаться с одним из этих ребят. Уилл был эдаким взъерошенным симпатягой, всегда ухмыляющимся и остроумным. А Холден – высоким, спортивным и притягательно-задумчивым. Полные

противоположности друг другу, а значит, один из них непременно должен быть в моем вкусе. Но нет, мы просто дружили, и даже сама мысль о свиданиях казалась мне смехотворной. К тому же на втором году обучения, в десятом классе, Уилл как-то за обедом обронил, что, так сказать, «играет за другую команду», так что любая возможность романтических отношений между нами была официально признана невозможной, что и к лучшему.

По кампусу разносится трель звонка, и весь класс оживленно подскакивает. Я и не заметила, как урок приблизился к концу. Зашумели отодвигаемые стулья, все похватали учебники и стремительно ретировались.

– Я проспала пол-урока, – признаюсь Уиллу, когда мы направляемся к шкафчикам, искусно маневрируя в толпе и обходя растерянных новичков-девятиклассников.

У моего шкафчика, прислонившись к дверце, уже стоит Холден с ручкой за ухом. В руках ни тетрадей, ни книг: он делает вид, что ему плевать на школу, а ходить с учебниками – беспонтово, однако относится к своей успеваемости куда трепетней, чем пытается показать. Он почему-то старательно демонстрирует общественности, что, кроме футбола, его ничто на свете не волнует.

– Как прошла физика?

Холден ухмыляется и пропускает меня к шкафчику. Закинув учебник, искоса бросаю на него испепеляющий взгляд. Он прекрасно знает, что мы терпеть не можем, когда физику ставят первым уроком, и потому оба не удостаиваем его ответом.

Я беру учебник по испанскому и, захлопывая дверцу, объявляю:

– У меня сегодня мало уроков. Так что после третьего пойду домой.

– А у меня тренировка, – говорит Холден, и мы смотрим на Уилла, давая понять, что сегодня ему не придется нас ждать после школы.

Тот открывает рот, изображая удивление.

– Да ладно! Хотите сказать, сегодня обойдетесь без извозчика? И чем я заслужил такую милость?

Мы на минутку задерживаемся у его шкафчика, он берет учебник по биологии, и каждый идет на свой урок. Теперь мне надо пережить полтора часа испанского – и мы снова встретимся на обеде. Направляюсь в класс, на ходу нанося блеск для губ, но на самом пороге меня внезапно охватывает ужас: я боюсь заходить внутрь. Вместо Холдена и Уилла там будет кое-кто другой.

Вслед за Калебом из футбольной команды тихонько проскальзываю в класс мисс Эрнандес, пытаюсь затеряться в толпе и окидываю взглядом присутствующих. К счастью, Даниэль Хантер пока не пришла. Меня все еще тревожит наш вчерашний тет-а-тет. Выбираю парту в дальнем углу, низко опускаю голову и пялюсь в первую попавшуюся страницу учебника.

Через пару мгновений звенит звонок, и я поднимаю взгляд. Она заходит в кабинет, прижимая к груди учебник. Длинная челка спускается на лицо, и вообще непонятно, как можно через нее что-то видеть. Все быстро рассаживаются по местам, и Дэни, блуждая по классу, занимает парту в противоположном углу кабинета. Я безотчетно таращусь на нее и натыкаюсь на ее голубые глаза.

Резко отворачиваюсь, задеваю бутылку с водой и едва успеваю ее подхватить. Мисс Эрнандес поднимается из-за стола, здоровается и спрашивает по-испански, как прошли выходные, а я неотрывно смотрю Калебу в затылок и дальше уже не слушаю. Чувствую, что Даниэль продолжает смотреть на меня, и изо всех сил стараюсь игнорировать этот факт. Только вот никак не выходит! Ситуация и так неловкая, а тут еще ее буравящий взгляд… Прямо физически его чувствую.

Ненавижу себя за оторопь перед Хантерами. Во всем остальном меня мямлей не назовешь. За годы учебы я много с чем сталкивалась: и с насмешками одноклассников насчет моего роста, и с несправедливыми оценками учителей, спорить с которыми бесполезно, и с конфликтами с девчонками. Но ситуация с Даниэль и Джейденом Хантерами просто невыносима. Даже глаз поднять на них не могу. Они олицетворяют мою самую большую слабость. Они – воплощение горя.

До конца занятия так и не могу сосредоточиться на испанском. Я неплохо знаю язык, и мне нравятся занятия у мисс Эрнандес, но все сегодняшние упражнения пропускаю мимо ушей: мысли заняты Даниэль. Может, надо решиться на новый разговор после урока? Только какие подобрать слова, чтобы смягчить вчерашнее недоразумение? Ничего не придумав, отказываюсь от этой идеи. Интересно, Дэни рассказала Джейдену или нет? Даже не скажу, что обрадовало бы меня сильнее: первый или второй вариант.

Звонок ознаменовывает конец урока. Я вскакиваю первой, торопливо запихиваю вещи в сумку, опережаю Калеба и прицеливаюсь на дверь. Сердце колотится. После обеда у меня английская литература, потом домой, так что совсем скоро я буду в безопасности.

До двери в коридор уже рукой подать, я даже чувствую доносящийся оттуда запах пота, как вдруг кто-то протискивается мимо меня и слегка подталкивает локтем. Останавливаюсь и ищу глазами обидчика. Чему тут удивляться? Даниэль. Она выходит из класса и, пройдя несколько метров, оборачивается через плечо.

Несколько мгновений медлит, глядя на меня пустым взглядом и прижимая к груди учебник. Ее губы подрагивают, словно она хочет что-то сказать. Однако, не проронив ни слова, отворачивается и растворяется в толпе, оживленным потоком хлынувшей на обед. Она действительно злится на меня: в глубине ее голубых глаз сверкнул гнев. Пытаюсь убедить себя, что у нее и без меня море причин для плохого настроения. Но эти доводы не кажутся мне утешительными, наоборот, травят душу еще сильней. Она так одинока и обижена на мир, а я ничегошеньки не сделала, чтобы ей помочь.

Год назад мы завивали друг другу волосы и красились новой тушью в ее комнате. На испанском сидели не в разных углах, а рядом. Мы дружили. Когда-то.

По пути в кафе решаю, что всеми правдами и неправдами буду избегать Даниэль даже не до конца дня, а до конца недели! От ее взгляда у меня на сердце такой груз вины, что становится невыносимо. Вот только чтобы спрятаться от кого-то в маленькой школе маленького Виндзора, потребуется нехилый стратегический талант. Сижу за обедом, понурив голову, и не особо вслушиваюсь в болтовню Холдена и Уилла. В точно таком же состоянии провожу урок английской литературы, который дается мне довольно легко, поскольку я не знаю ни

единого присутствующего на нем человека. Оглушительный звонок приводит меня в чувство, я с облегчением выдыхаю. Наконец-то день окончен.

Вновь бреду к шкафчику. Четвертое занятие уже началось, коридоры безлюдны и молчаливы, лишь из кабинетов едва доносятся голоса учителей. Открываю шкаф и перекладываю добрую половину книг и тетрадей в сумку, ужасаясь, сколько домашней работы надо переделать до конца недели. На дверце есть зеркало, и я наскоро причесываюсь. Уже собираюсь уходить, как вдруг в отражении мелькает чья-то фигура.

Лучше бы сразу ушла… Это он. Направляется ко мне по коридору, засунув руки в карманы, с сумкой на плече. Тут же узнаю его светлые волосы, коротко остриженные по бокам, а на макушке подлиннее. Широкие плечи и твердый подбородок. А как же иначе, полузащитник, в конце концов. Прежде мне нравилось запускать пальцы в его густую шевелюру и чувствовать себя под защитой его объятий. Почти забытое ощущение.

Мы частенько пересекаемся в коридорах, но вокруг обычно куча народа, все работают локтями, пробираясь к кабинетам, и меня вполне устраивает такая комфортная дистанция. Всегда можно опустить голову, спрятать взгляд и ускорить шаг.

Однако сейчас, кроме нас, ни души. Тишина, и совершенно некуда спрятаться. Внутри все сжимается, и я пытаюсь отвести взгляд. Джейден облизывает губы, и один уголок рта ползет вверх, превращаясь в кривую усмешку, после чего встречается со мной взглядом в отражении зеркала. Глаза голубые, как у сестры, или даже ярче. Он замедляет шаг и, кажется, в какую-то долю секунды хочет остановиться и заговорить. Однако передумывает, ускоряется и отворачивается.

Запираю шкафчик, зажмуриваюсь и прижимаюсь лбом к холодному металлу. В горле перехватывает дыхание, а перед глазами продолжает стоять его улыбка, та самая, в которую я влюбилась год назад. Сердце грохочет в груди, я открываю глаза и пялюсь в спину удаляющегося Джейдена, пока тот не скрывается в конце коридора, шагая широко и уверенно. Участок его шеи, где начинается рост волос, – ухоженный и аккуратный. Скольжу взглядом по изгибу его спины: футболка натягивается на мышцах торса, подчеркивая атлетическую фигуру. А потом Джейден поворачивает за угол и скрывается из вида так же быстро, как и появился. Коридор снова пуст, и мои плечи расслабленно

опускаются.

Потому что когда-то, давным-давно, при виде этой кривой ухмылки Джейдена Хантера я улыбалась ему в ответ.

Глава 3

Пятнадцать минут пути от школы до дома дались мне особенно трудно, не только из-за уймы учебников, но и оттого, что я никак не могу сосредоточиться. Какой-то дедок даже накинулся на меня с бранью за то, что не вижу, куда иду. Думаю только о Хантерах, поэтому сейчас я ходячая угроза.

Вчерашний отчужденный взгляд Даниэль, сегодняшняя усмешка Джейдена… никак не выходят из головы. Просто пара людей из прошлого, с которыми мы дружили. А с Джейденом – больше, чем просто дружили. Год назад я влюбилась в него. С того самого момента, как он усмехнулся, завидев меня после нашего первого поцелуя накануне вечером. Я напрасно надеялась, что легко сумею подавить свои чувства, стоит только постараться. И напрасно верила, что получится избегать Хантеров и полностью вычеркнуть их из своей жизни. Не вышло. И наверное, пора бросить всякие попытки. Не могу забыть, как улыбнулся Джейден сегодня утром и как забилось мое сердце, готовое вырваться из груди. Не могу забыть прикосновение его губ к моим и все еще хочу снова пережить эти мгновения хотя бы разочек.

Джейден и я были самой заурядной парочкой. Ничего особенного, обычная история, все как у всех. Мы познакомились на уроках и стали с общаться. Он показался мне милым, но не слащавым, прикольным и вместе с тем серьезным. Рядом с ним у меня буквально кружилась голова, и тогда мне стало ясно, что чувства вышли за пределы дружеских. Мы стали чаще встречаться вне школы, и, наконец, прошлым летом наши отношения мало-помалу переросли в романтические. Это произошло легко и незаметно, ибо ситуация развивалась постепенно, на протяжении нескольких месяцев. Я наслаждалась каждым проведенным вместе мгновением и до сих пор помню, как он пришел помочь мне с уроками и впервые поцеловал меня в спальне. Я была готова к новому шагу и, так сказать, перейти на другой уровень… Однако прошлым августом все изменилось, когда однажды утром мне позвонил Уилл и спросил: «Ты слышала?»

С того дня мы с Джейденом больше не разговаривали. Близнецы Хантеры пропустили первое полугодие одиннадцатого класса, а когда вернулись к учебе, я не могла поднять на них взгляд. Не знала, что сказать и как себя с ними вести. От одной только мысли о них я чувствовала дурноту. Единственный вопрос, вертевшийся в голове, – справляются ли они с горем? И если да, то как? Мне известно, как тяжело бывает прийти в себя после трагедии.

Тяжело дыша, сворачиваю в наш тихий переулок и ускоряю шаг, желая поскорее добраться домой и отвлечься.

Отворив дверь и шагнув внутрь, зашвыриваю сумку в середину коридора. Дома тихо, уныло и холодно. У папы ненормированный график с многочасовыми сменами, поэтому раньше семи вечера его не жди. А около четырех вернется мама. Она работает в регистратуре местной стоматологической клиники по паре дней в неделю. Много лет назад она трудилась в детском саду, но потом уволилась.

Итак, никого нет, а значит, на пару часов я предоставлена сама себе. В пять начинается моя смена в развлекательном центре «Саммит» на самой окраине Виндзора. Я устроилась туда чуть больше года и в общем-то довольна. Надо же копить на собственную тачку. И на колледж. Ох!

Кухня не прибрана после завтрака, поэтому откладываю все дела, наскоро протираю стол и засовываю тарелки в посудомойку. Я прям уже настоящий спец в домашних делах, жизнь заставила. Когда выдается свободная минутка, как сейчас, например, стараюсь поддерживать чистоту, ибо, кроме меня, некому. Папа постоянно на работе, а мама вообще в последнее время сама не своя. Такого с ней давно не случалось, так что сейчас лучше оставить ее в покое и помочь. Интересно, задумывается ли она, как попадает в шкаф постиранное белье и кто моет тарелки? Или же ничего вокруг не замечает? Ведь она ни разу не спрашивала. А я столько лет живу в таком режиме, что уже не придаю этому значения. Беру пылесос, быстренько прибираюсь в прихожей, после чего наконец заваливаюсь на диван с учебником испанского и баночкой клубники и потихоньку ее лопаю, поглядывая то в книгу, то в телик.

Мне нравится оставаться одной. В такие моменты я знаю, что мама занята делом, а не киснет дома с бокалом вина – ее единственное развлечение в четырех стенах.

Сосредотачиваюсь на домашке и жду половины четвертого: Уилл уже должен добраться домой, хочу ему позвонить. Холден на тренировке. Правда, будь он свободен, все равно вряд ли бы взял трубку. Он признает только сообщения. А какой в них толк, если надо поделиться слухами? Их в эсэмэску не уместишь. Я не говорю уже про обычный будничный треп – и вовсе замучаешься по клавишам стучать. А вот Уилл отвечает после второго гудка.

– Как раз хотел тебя набрать, – сразу же говорит он. – Ехал домой и вспомнил… Ты ведь так и не сказала, какого цвета твое платье.

– Чего? – переспрашиваю я с набитым ртом и выключаю звук у телевизора.

– Осенний бал, – поясняет он. – Мне надо выбрать цвет галстука.

А, теперь ясно. В следующие выходные в школе праздник в честь выпускников средней школы, так называемое «Возвращение домой» после каникул, и в отличие от Холдена, который, кроме пятничного матча, ни о чем другом думать не может, нас с Уиллом заботят субботние танцы. Мы всегда ходим парой, а Холден выбирает девчонку, с которой на текущий момент встречается. В этом году, скорее всего, с ним будет девушка из оркестра.

Проглатываю клубнику и отвечаю:

– Синее.

– А поточнее?

– Темно-синее.

Мысленно представляю свой наряд, который висит в полиэтиленовом чехле в самом дальнем углу шкафа моей спальни. Шифоновое платье до колен, а корсет украшен россыпью серебристых страз. Маме оно сразу не понравилось. Когда я продефилировала в нем по залу, она презрительно фыркнула, мол, слишком открытое. Я решила, что это на нее вино так действует.

– Кобальтовый или типа того.

– Кобальтовый? – повторяет Уилл и после секундного колебания уточняет: – Что за цвет такой?

– Эм…

Моргаю и, резко помотав головой, вырываюсь из поглотившего меня задумчивого оцепенения.

– Как кобальт.

– Понятно, – отвечает Уилл, снова умолкает и интересуется. – У тебя все нормально? А то голос какой-то… отрешенный.

– Все хорошо, – заверяю.

Хотя он прав. Я весь день сама не своя.

– Ладно. Зачем позвонила?

Ответ прост: мне надоело делать испанский, смотреть «Шоу Джерри Спрингера»[3 - Американская телевизионная передача в формате ток-шоу.] и вспоминать усмешку Джейдена Хантера. Я думала о ней по пути домой, во время уборки и продолжаю вспоминать до сих пор. Будь она неладна! Ума не приложу, как он умудряется улыбаться после всего, что на него свалилось. Какой он все-таки стойкий, всегда и везде улыбается: на футбольном поле, на обеде с друзьями… Даже при встрече со мной, хотя нет никаких причин для веселья.

– Да просто так, – отвечаю я Уиллу.

Мама возвращается в полпятого. Поджидаю ее на кухне, прежде чем самой уйти на работу. Красная тенниска – не самая стильная униформа на свете, к тому же цвет мне совершенно не идет. Однако могло быть и хуже. Кое-где, например, заставляют надевать идиотские кепки. Я нанесла свежий макияж, вылила на себя полбутылки туалетной воды и завязала высокий хвостик на случай, если сегодня поставят дежурить в ресторане. Вообще, предпочитаю работать в лазертаге, потому что терпеть не могу убирать мусор со столиков. Но иногда приходится, деньги-то нужны. Вот и кручусь, как могу, по пять смен в неделю.

– Держи!

Заходя в кухню, мама бросает мне ключи от машины. Ловлю их одной рукой, но продолжаю сидеть и наблюдать, как она снимает кардиган и заваривает кофе.

– Хочешь, и тебе сделаю?

Качаю головой и слежу за ее неторопливыми манипуляциями, в результате которых кухня наполняется кофейным ароматом. Она отворяет холодильник и изучает его содержимое. Потом открывает морозилку, шкафчик для посуды и вздыхает.

– Папа не будет против, если мы закажем еду на дом, как думаешь?

– Нет, – лгу я.

Мама отлично готовит, мы просто обожаем ее лазанью, но иногда она очень устает. И раз предлагает обед на заказ, значит, у нее выдался трудный денек.

– Ладно, тогда решено.

Она отворачивается к кофейнику, наполняет чашку и рассеянно смотрит в окно на дворик. Газон запущенный и заросший: у папы все никак не хватает на него времени.

Сжав мамин ключ, поднимаюсь на ноги. Пора идти, а то опоздаю.

– Вернусь в одиннадцать, – говорю я, сдергивая пиджак со спинки стула.

Мама молчит. Выходя на крыльцо, слышу, как она выливает кофе в раковину. Меня переполняет разочарование, я прекрасно знаю, какой напиток она сейчас предпочтет. Но нет времени возвращаться и спорить, поэтому быстро запираю дверь и притворяюсь, что ничего не слышала. Папа тоже так делает. Попросту игнорирует то, с чем не хочет связываться, так что я у него научилась.

Мамин старенький «Приус» припаркован на дорожке. Усаживаюсь на место водителя и задом выруливаю в наш тихий переулок. Виндзор – городок

маленький, но растянутый по площади, и кварталы с двадцатью тысячами жителей расположены по окраинам. До «Саммита» ехать пятнадцать минут по широкой трассе вдоль просторных полей. Глазу зацепиться не за что, лишь бесконечная зелень лугов до самого горизонта. Однако мне нравится ехать на работу в светлое время суток, потому что в погожий день вдалеке виднеются хребты Скалистых гор, главной гордости штата Колорадо.

Припарковываю мамин автомобиль на стоянке торгового центра и заступаю на смену ровно в пять часов. Куратор Линси назначает мне дежурство за стойкой в боулинге. По будням здесь гораздо спокойней, чем в выходные, но сегодня детская компания отмечает день рождения, так что работы невпроворот.

Орошаю освежителем длинный ряд ботинок для боулинга на стойке, прижимая подбородок к груди и зарываясь в воротник, чтобы не вдыхать «благоухающие» ароматы, как вдруг замечаю, что кто-то постукивает по стойке, пытаясь привлечь мое внимание.

– Двенадцатый[4 - Двенадцатый американский размер обуви соответствует сорок четвертому российскому.] размер, пожалуйста, – раздается шутливый знакомый голос, напористый и дерзкий.

Опускаю воротник и оборачиваюсь. С самодовольной ухмылкой, облокотившись на стойку, стоит Даррен и ждет моей реакции.

– А. Привет, – сдержанно улыбаюсь я и начинаю убирать ботинки на полки за моей спиной.

Он неплохой парень, мы отлично ладим, правда, порой с ним приходится трудновато. Его беспечное отношение к жизни уже не кажется мне таким прикольным, как раньше. Иногда он слишком уж заносчивый.

– Решил вернуться в город?

– А почему бы, собственно, не заехать в старый добрый Виндзор? – саркастически провозглашает он, широко ухмыляясь.

Затем наклоняется через стойку, очевидно, намереваясь, захватить мое внимание полностью, а не частично.

– К тому же захотел увидеть тебя. Подумал, надо здесь поискать.

– Да уж, где я еще могу быть!

Шутливо закатываю глаза, ставлю последнюю пару на полку и медленно оборачиваюсь к нему. Опираясь на край стойки, говорю:

– Видишь ли, я на работе, поэтому не стоило…

– Кенз, я скучаю, – тихо признается Даррен, похоже, разочарованный, что его неожиданное появление не произвело на меня большого впечатления.

Почему ему так нравится заявляться без предупреждения? Мне неловко, и я, не зная, что сказать, поправляю обувь на полке.

В начале года мы с ним встречались, и продлились наши отношения чуть больше шести месяцев. Он тоже из Колорадо, учился в девятом классе[5 - Девятый класс в США соответствует первому курсу обучения в средней школе, десятый – второму и т.д. Всего в средней школе четыре курса.], младше меня, однако мне понравилась его уверенность в себе, ямочка на левой щеке и ежедневные пожелания доброго утра эсэмэсками.

Конечно, он тот еще нахал. Но со мной паинька. Родители даже разрешили мне провести выходные в его крошечной комнатке в общежитии кампуса в Форт-Коллинсе[6 - Город в штате Колорадо.].

Тусоваться с Дарреном было здорово, мы много смеялись, и я отвлекалась от мыслей о Джейдене и угрызений совести. Правда, по прошествии полугода отчетливо поняла, что просто трачу время. Его влюбленности я не разделяла и вряд ли когда-либо смогла бы разделить: чувства к Хантеру продолжали жить в моем сердце. Даррен был совершенно на него не похож. И смеялся иначе.
Я постоянно представляла на его месте Джейдена и в конце концов в мае решила порвать с Дарреном. Так было лучше для всех. Просто он этого пока не понял.

– Даррен, – твердо говорю, кивая на парочку посетителей, вставшую за ним в очередь, и виновато морщу лоб. – Давай в другой раз, а то люди ждут.

Его плечи опускаются, с губ сходит ухмылка, он вздыхает и отступает. Выдаю ребятам обувь, краем глаза удрученно замечаю, что Даррен дожидается в сторонке. Когда они уходят, я даже не успеваю стереть с лица дежурную улыбку, как он подскакивает и говорит с решительным запалом:

– Кенз, серьезно, я скучаю, черт побери!

Потом опускает голову и шепчет, уставившись на мои руки:

– Мы были счастливы вместе. Ты же помнишь.

Я пожимаю плечами. Да, были, но далеко не всегда. Порой он становился чересчур приставучим и навязчивым, так что в конце концов мое терпение лопнуло. Времени на него тратить больше не хотелось, сердце мое было занято, так что се ля ви.

– Даррен, мне очень жаль.

Он с тихим стоном вздыхает, проводит рукой по волосам и на шаг отступает. После кулачной драки, случившейся несколько лет назад, у него осталась легкая горбинка на носу. Раньше она казалась мне ужасно милой.

– Я не сдамся, – глухо говорит он, перегибается через стойку и, пристально глядя мне в глаза, замирает в паре сантиметров у моего лица. Затем натянуто улыбается, разворачивается и уходит.

И его упорство меня несказанно печалит…

Глава 4

Вечером в четверг мама осторожно стучится в мою спальню, открывает дверь, не дожидаясь ответа, и заглядывает в комнату. У нее изможденный вид, который прибавляет к ее возрасту лет десять. Она какая-то нервная: в комнату не заходит и прячется за дверью, как за щитом.

– Кензи, окажи мне услугу.

Почти полдвенадцатого ночи, я валяюсь на кровати, лежа на животе перед ноутбуком. На мне спортивные штаны и майка, волосы собраны в пучок, который небрежно свесился набок. Но догадываюсь, что для исполнения маминой просьбы мне придется сменить наряд, накраситься и напрячь все свои актерские способности.

– Видишь ли… – бормочет она, потирая висок. – Хочу попросить тебя сходить в магазин.

Ну, вот, приплыли. Так и знала, что именно за этим и постучалась. Не отправься папа на срочный вызов по ремонту сантехники, она бы не решилась меня попросить. Постыдилась бы его осуждающих взглядов. А сейчас осмелела.

– Мам… – тихо начинаю я и осекаюсь, взглядом умоляя не заставлять меня снова идти на это.

Хочу отказаться, не идти у нее на поводу… Но она моя мать, и я знаю, что у меня не хватит духа препираться.

– Кензи, пожалуйста, – умоляет она.

Ее глаза и надломленный голос пробуждают во мне чувство вины, как будто я не вправе ей отказать.

И потому не спорю, закрываю ноутбук, распускаю волосы и достаю из шкафа джинсы. Потому что не могу сказать «нет».

Мама медленно отворяет дверь нараспашку и наконец заходит в комнату. На ее раскрасневшемся лице отражается облегчение и благодарность. Она дает мне двадцать баксов, водительское удостоверение и ключи от машины. В воздухе

появляется винный запах.

– Что-нибудь недорогое, – добавляет она, и от этого становится еще хуже.

Отвожу взгляд и молчу. Боюсь, если открою рот, мое разочарование превратится в агрессию, и тогда у матери неприятно искривится лицо, а в глазах появится отчаяние. Не хочу видеть ее такой. Поэтому ничего не говорю и понятия не имею, как повлиять на ситуацию.

Безмолвно начинаю одеваться, натягиваю джинсы. Мама уходит из комнаты, а потом приносит мне одну из своих блузок. Надеваю ее, сажусь за туалетный столик и начинаю рыться в косметичке. Мама в нерешительности мнется позади и наблюдает. Хоть я и молчу, она наверняка видит мое неодобрение и чувствует повисшее в спальне напряжение, тяжелое и душное. Я устала, утром надо в школу, и у меня нет ни малейшего желания размалевывать лицо и на ночь глядя ехать в магазин, чтобы купить дешевую выпивку по маминым документам.

– Я бы сама поехала, – виновато говорит она дрожащим голосом, – да мне нельзя за руль.

Собственно говоря, на этой неделе она неплохо держалась: насколько мне известно, всего лишь пара бокалов вина в понедельник. Да и вообще, все не так уж страшно. Она пьет не с утра до ночи и не каждый день. Объем выпитого зависит от настроения. Сегодня, похоже, оно не самое радужное. Мама снова исчезает, потом появляется со своим шарфом в цветочек, и я неохотно набрасываю его на шею поверх воротника пиджака. Понимаю, что выгляжу нелепо, но что поделать. Для полноты образа напяливаю шляпу. Мне нравится то, что благодаря высокому росту я выгляжу старше. Мама пять раз от души пшикает на меня духами, и я во всеоружии готова идти нарушать закон.

Мне уже несколько раз приходилось проворачивать этот номер, и лишь однажды кассир покатился со смеху и дал мне тридцать секунд, чтобы я убралась подобру-поздорову, пока он не вызвал копов. В тот магазин я больше ни ногой и с тех пор выгляжу не как уверенная в себе женщина средних лет, а как мать семейства на грани нервного срыва.

Мама наблюдает из окна гостиной, как я подлетаю к ее автомобилю и несколько минут вожусь с обогревом. В нынешнее время года в Виндзоре очень холодно по

ночам, и сегодняшний вечер – не исключение. Еду по пустым улицам, прижимаясь к рулю, колени дрожат. В большинстве домов окна темные, лишь в некоторых все еще горит свет. Направляюсь к Мейн-стрит и паркуюсь у супермаркета «Севен-илевен»[7 - Eleven – сеть небольших супермаркетов при заправочных станциях.], ближайшего открытого заведения, в котором я пока не засветилась. Предпочитаю два раза в одном месте не показываться. Скоро доступных вариантов не останется, и мне придется ехать в центр города.

Вокруг никого, только мимо прошумел автомобиль. Подходя к двери, я почти физически ощущаю на себе взгляд продавца. Стараясь выглядеть как можно непринужденнее, уверенной походкой двигаюсь вперед, засунув руки в карманы, как будто просто хочу заскочить за пивом после долгого трудового дня, после чего вернусь домой к супругу и четырем отпрыскам. По крайней мере, надеюсь, что произвожу именно такое впечатление. В противном случае я, видимо, уже прокололась.

Толкаю тяжелую стеклянную дверь и шагаю внутрь. Посетителей нет, так что внимание кассира целиком и полностью приковано ко мне. Смотрю на него и нервно улыбаюсь.

Из своего опыта знаю, что не стоит сразу же бежать с опущенной головой в алкогольный отдел.

– Сильно похолодало, а? – говорю я официальным тоном.

Теперь не только выгляжу, как дура, но и голос у меня получился как у настоящей идиотки.

– Угу, – отвечает продавец.

Он молодой, на вид около двадцати. Стоит со скучающим видом, скрестив руки на груди и прислонившись спиной к экрану, транслирующему изображения с камер безопасности. К разговору он явно не расположен.

Направляюсь в первый отдел, делая вид, что заинтересовалась конфетами, якобы никуда не тороплюсь и вообще заскочила за хлебом. Осталась последняя буханка со скидкой. Беру ее, потому что уже выяснила, что, если помимо бутылки купить что-то еще, это повышает шансы убедить кассира, что мне

тридцать восемь. Детям ведь нужен хлебушек на завтрак, должно сработать.

С распродажной булкой под мышкой прогуливаюсь к полкам с пивом в дальнем углу и слышу, как открывается входная дверь, запуская внутрь волну холодного воздуха. Быстренько пробегаюсь глазами по ценникам и хватаю самый дешевый блок, состоящий из шести бутылок.

Иду к кассе, подняв подбородок и не сводя глаз с продавца, однако в груди начинает расти волнение. С притворной уверенностью выкладываю на прилавок хлеб и выпивку и с вежливой улыбкой передаю двадцатидолларовую банкноту. Сзади кто-то подходит, но я слишком занята своей ролью и паршивой актерской игрой, чтобы оборачиваться.

Кассир равнодушно пробивает хлеб, и я уже внутренне праздную победу, но потом он смотрит на меня и задает тот самый леденящий душу вопрос:

– Можно ваше удостоверение, мэм?

Я ойкаю и хихикаю, копируя реакцию мамы.

– Вы мне льстите!

Тот и ухом не ведет, терпеливо ожидая с тем же безразличным выражением лица. Сглатываю комок в горле и передаю ему мамины права. Похоже, дело пахнет керосином.

Продавец берет документ и внимательно его изучает, поочередно смотря то на фото, то на мое лицо. Говорят, я похожа на мать, однако «похожий» – не значит «идентичный». Кассир хмурится.

Человек за моей спиной прокашливается и становится рядом, но я так напугана из-за возможного ареста, что не оборачиваюсь, а лишь искоса бросаю на него быстрый взгляд. Сердце проваливается куда-то в желудок, я отвожу глаза и цепенею: с ума сойти, Джейден Хантер.

Замираю на месте, не в силах пошевелиться. Нет-нет-нет! Как некстати. Застать меня в таком виде! Я просто в ужасе. Щеки, и без того красные от толстого слоя

румян, пылают от стыда. Джейден смотрит на меня с изумлением, и его губы растягиваются в фирменной кривой усмешке. Отросшие волосы тяжелой копной спускаются на лоб без всякой укладки гелем. На нем все черное: и джинсы с рваными дырками на коленях, и кроссовки, и толстовка с капюшоном. В руках у него упаковка молока. Заметив шесть бутылок на прилавке, переводит взгляд на меня, и улыбка становится саркастической.

– Ловкий ход, – внезапно произносит кассир со смешком, и я прихожу в себя. Он бросает мамин документ на стойку, прячет упаковку пива под стол и выпроваживающе взмахивает рукой. Мои щеки пылают ярким пламенем.

– Иди-ка отсюда. Или ты это брать будешь? – спрашивает он, показывая на буханку.

Мотаю головой, засовываю купюру с правами в карман пиджака и опрометью кидаюсь к выходу. Мимо Джейдена пробегаю, не поднимая головы, и распахиваю дверь. От холодного воздуха перехватывает дыхание. В уголках глаз собираются слезы, но я борюсь с ними, не желая тонуть в жалости к себе. На всех парах несусь к машине и уже почти сажусь за руль, как вдруг слышу, как хлопнула дверь супермаркета.

– Маккензи! – негромко окликает меня Джейден.

Застываю на месте, одной ногой в салоне, другой на улице, глядя, как Джейден идет ко мне через маленькую парковку. Черты его лица едва различимы в неверном свете уличных фонарей.

– Подожди, пожалуйста.

Встреча с ним и без того невыносима, а эта просительная интонация еще сильнее меня смущает. Мало того что я выгляжу как пародия на мать, так к тому же он застал меня за попыткой купить выпивку в полночь буднего дня. Стыдно до жути, и от бессилия я стягиваю с шеи дурацкий шарф и бросаю на сиденье.

Джейден подходит и останавливается. Нас разделяет лишь открытая дверца. Он разглядывает меня, поджав губы, затем откидывает с глаз прядь волос, задумчиво переводит взгляд на пассажирское место, после чего, наконец, нарушает затянувшееся молчание:

– Можно заскочу на минутку?

Вот тебе и на. Я всегда знала, что рано или поздно нам с Джейденом придется поговорить. Нельзя сказать, что не хочу этого, скорее, у меня на это нет сил. Медленно киваю, а он облегченно вздыхает, словно ожидал резкого отпора и теперь благодарен, что я так легко согласилась. На душе тошно от вины, стыда и страха. Тело оцепенело от холода и от присутствия Джейдена, но нет ни единого уважительного основания для отказа. От моего короткого неуверенного кивка его лицо озаряется. Как и в случае с Дэни, совершенно не знаю, что сказать. С Джейденом даже труднее. Напряженно опускаюсь на водительское кресло, Джейден открывает дверцу и садится на пассажирское сиденье, запуская в салон маминого автомобиля холодный ночной воздух. Проглотив комок в горле, включаю обогрев на полную мощность, но, собственно, он мне не требуется – и без того лицо пылает.

– Что касается инцидента… – бормочу прежде, чем он успевает заговорить, и осекаюсь.

Я все еще в ужасе и даже представить боюсь, какого он сейчас обо мне мнения. Наверняка считает, что украсть мамины документы для покупки спиртного для меня в порядке вещей.

– Не бери в голову, – говорит Джейден, пряча усмешку. – Зачем пиво?

Выдавливаю улыбку и пару секунд лихорадочно соображаю, как бы получше выкрутиться. Сказать правду не вариант. Бросив на него быстрый взгляд, отвечаю как можно беззаботнее:

– К маме завтра вечером гости придут, а она сейчас в запаре. Заранее не подготовилась, выпивку купить забыла, вот меня и отправила.

Эта версия звучит не менее отвратительно: мать послала несовершеннолетнюю дочь за алкоголем. Потому шутливо добавляю:

– Позорище, знаю.

– По крайней мере, не покупаешь молока по просьбе бабушки, – говорит он, показывая картонную упаковку.

Мы хохочем, и на долю секунды я забываю, что мы не общались целый год. Никакого напряжения и страха выглядеть нелепо, сплошное веселье и легкость, как в былые времена. Потом смех Джейдена угасает, раздается вздох, и наступает тишина.

Мы виделись с ним в школе, но я избегала прямого столкновения на публике. Опускала голову и проходила мимо. Он и сам ни разу не попытался заговорить. Винить его нельзя, у него все основания обижаться. Если кто-то и должен был сделать первый шаг, так это я. Однако он сдался первым. Догадываюсь почему.

– Дэни рассказала о…

– О вашем разговоре? Да, рассказала.

Джейден прокручивает обогрев, и климат-контроль шумит потише. Его голубые глаза поблескивают в темноте.

– Ты обо мне спрашивала? Признаться, удивлен. На тебя не похоже.

Он смеется, но я вижу грусть в его глазах, и внутри все сжимается от чувства вины.

– Обижаешься? – выпаливаю я.

Конечно, обижается. Просто хочу услышать из его уст. И добавляю:

– На меня…

Печаль испаряется из взгляда Джейдена.

– А есть за что?

Гляжу на него, прищурившись. Интересно, он специально косит под дурачка, чтобы проучить меня? За то, что оставила в трудную минуту. За то, что отдалилась и никогда не улыбалась в ответ. Вполне разумные основания для обиды. Мне нелегко сейчас это высказать, официально повиниться в трусости, признавая при этом, что неспособна справиться с горем, а значит, не могу продолжать общение с Хантерами.

Я уже пробовала: через две недели после аварии примчалась к их дому на маминой тачке. В то утро я проснулась, полная уверенности, что обязана быть рядом с ними, как-то поддержать, тянуть-то уже некуда. Все еще помню, с каким ощущением вылетела из дома: полный ужас. Вела машину дрожащими руками. А когда в оцепенении, на негнущихся ногах подходила к их дому, перед глазами все плыло. Помню, как в нерешительности замерла перед дверью, так и не смогла заставить себя постучать и столкнуться с тем, что за ней скрывается. Мне не нужно было видеть Джейдена и Дэни, чтобы понять их чувства. Я и так знала. Поэтому развернулась и побежала к машине.

Джейден ерзает на сиденье, и лишь сейчас до меня доходит, что я так ничего и не ответила. Он наклоняется ко мне, упираясь коленом в центральную консоль.

– Ладно, я и вправду немного обиделся. Совсем чуть-чуть, – говорит он и совсем выключает обогрев, отчего в салоне повисает абсолютная тишина. – Хотя, скорее, был разочарован. В тот период все отдалились, не только ты.

Он разглядывает свое голое колено и водит пальцем по прорези в джинсах. Пояснений не требуется, и так ясно, о чем он.

– А потом вы сошлись с Дарреном Салливаном, и я так понял, ты избегаешь общения не просто так, а потому что интерес потеряла.

Джейден снова поднимает свои печальные глаза.

– Так что да, именно так. Пожалуй, рассчитывал на нечто большее.

Считает, что раскусил меня, и по большей части прав. Только я отстранилась от Хантеров куда дальше, чем остальные, и ни разу не попыталась сократить дистанцию по причинам, которые так и не смогла признать. Пусть считает, что я стала равнодушна. Хоть это и диаметрально противоположно истине.

Я отдалилась, потому что слишком неравнодушна.

– Джейден…

– Маккензи, – мягко перебивает он, слегка повысив голос. – Я не затем сел к тебе в машину, чтобы ночь напролет ворошить прошлое. Просто при других обстоятельствах тебя не поймаешь, а я давно хочу с тобой пообщаться.

Я бы с удовольствием заговорила с ним первой, если б смелости хватило! Но – увы.

– О чем?

– Да о чем угодно.

Он пожимает плечами и проводит ладонью по приборной доске, отчего в воздух поднимается пыль.

– О чем мы раньше болтали?

О нас, друг о друге. Он – о моих веснушках, я – о его улыбке. Обсуждали планы на колледж, жизненные цели, какие уроки даются трудно, какие – легко, что любим и что ненавидим.

Из наших бесед я узнала, что Джейден еще не определился, куда поступать, главное – чтобы в Колорадо. Что хочет жить в доме в Уотер-Вэлли[8 - Престижный жилой микрорайон в Виндзоре.], завести двух – а то и трех – детей и иметь такую работу, чтоб не считать минуты до конца дня. Что у него нелады с испанским, а история США, напротив, дается хорошо. Что он любит кататься на машине ночью по пустым улицам и ненавидит арахисовое масло.

Во всяком случае, так было год назад.

Сейчас мне неизвестно, что он планирует, к чему стремится и что любит. Возможно, хочет убраться из Колорадо как можно дальше от прежней жизни. Может, слаб по всем дисциплинам. Или наоборот, круглый отличник, но это вряд ли. Что я знаю о Джейдене Хантере? Только то, что не знаю о нем ничего.

Задаю вопрос, который должна была задать давным-давно, вполне безопасный:

– Как ты справился, Джейден?

Он смотрит на меня так, будто услышал что-то оскорбительное и грубое.

– Кензи, ты шутишь?

– А что?

– Спроси что угодно, кроме «Как дела? Как настроение? Как сестра? Как бабушка с дедушкой? Может, отпустить тебя с занятия?» Меня только об этом и спрашивают. К сожалению, – объясняет он жестко и вместе с тем устало.

Закрыв глаза, пальцами трет переносицу и некоторое время молчит.

– Придумай, о чем бы ты спросила меня год назад? О чем-то заурядном. Это не так сложно, как кажется.

Пока я пытаюсь придумать что-то «заурядное», он открывает глаза и выжидательно смотрит. Выпаливаю первое, что приходит на ум, более или менее толковое:

– Завтра играем с Брумфилдом. Ждешь?

– Уже лучше, – одобряет Джейден.

Его лицо озаряется удовлетворением, смягчается, и напряженное выражение сменяется облегченной улыбкой.

– Кстати, ты идешь?

– Ага, – отвечаю я, пытаясь сесть расслабленней. – Холден нас на каждом матче ждет.

– Правильно. После прошлой игры поддержка нам пригодится.

– Да уж, вы тогда знатно облажались.

Джейден устало морщится, а потом мы покатываемся со смеху как ни в чем не бывало, словно время откатилось назад и можно, как и прежде, друг друга подкалывать, как делают все влюбленные парочки: флиртуют посредством насмешек. И мы не исключение, кокетничаем и веселимся напропалую.

– Тебе, наверное, домой пора, – говорит Джейден и постукивает пальцем по циферблату магнитолы.

Пятнадцать минут первого, но эти часы слегка спешат.

– Через семь часов в школу. Первым уроком профильная дисциплина[9 - Согласно программе по подготовке к поступлению в университет, старшеклассники США и Канады могут выбрать несколько предметов для углубленного изучения.], статистика. Она меня доконает…

– Верю! – смеюсь я.

На парковке, кроме нас, никого. Смотрю на Джейдена и, ощущая неловкость, спрашиваю:

– Тебя… подвезти?

Впиваюсь пальцами в руль.

– Нет, спасибо, не надо. Хочу прогуляться.

Он улыбается, но не так, как обычно. Не веселой ухмылкой, не кривой усмешкой, как в школьном коридоре, а долго и искренне. Джейден медленно скользит взглядом по моему лицу, и я таю. Тянется к дверце, открывает ее и покидает меня. Вылезая из машины, тихо и мягко произносит:

– Завтра на матче буду взглядом искать тебя в толпе.

Отходит на шаг, выпрямляется, натягивает капюшон на голову, отчего его черты становятся совсем неразличимы в темноте, и добавляет:

– Как и всегда.

Глава 5

Время близится к семи вечера, и мы с Уиллом сидим на трибуне в предпоследнем ряду. На мне толстовка с капюшоном и принтом с названием команды «Виндзор Визардс». Сегодня домашний матч против Брумфилда, и у «Визардс» все шансы на победу после неудачи с Пайн-Криком на прошлой неделе.

Наша толпа в бордово-золотом сидит напротив сине-белого моря студентов из Брумфилда, расположившихся на трибунах поменьше. Игроки «Брумфилд Иглс» уже готовятся у боковой линии. Прожекторы еще не включили, но солнце село, и с приближением ночи небо становится все более серым и мрачным. Осень люблю только из-за футбола. Больше в нашем городке и заняться-то нечем, так что мои пятничные вечера посвящены поддержке наших ребят. Особенно Холдена.

Чирлидерши распевают свои кричалки, болельщики сгорают от нетерпения, а когда группа девятиклассников начинает топотать ногами, шум становится оглушительным. Атмосфера накалена до предела.

– Если Холден опять не поймает ни единой передачи, притворюсь, что мы с ним незнакомы, – шепчет мне на ухо Уилл, затем набивает рот чипсами и оглядывает толпу вокруг нас.

– Да нормально отыграет, – отвечаю я.

Накануне игры Холден пребывал в отличном настроении, был полон энтузиазма и готов к сногсшибательным прорывам. Остается только уповать на то, что он реализует свои намерения, потому что в противном случае нам с Уиллом придется все выходные поднимать его боевой дух.

Девчонки из группы поддержки заканчивают свою программу, занимают место в дальнем конце поля, недалеко от раздевалок, а потом забираются друг другу на плечи и разворачивают гигантский баннер. На огромном белом листе бордовой краской небрежно выведено: «ВИЗАРДС, ВПЕРЕД!»

Ажиотаж среди болельщиков растет, когда из раздевалок появляются игроки в полной экипировке. Они толпой собираются за баннером и начинают скандировать кричалки, но на наших местах их почти не слышно. Шум растет и в конце концов трибуны взрываются ревом, подбадривающими возгласами, свистом и аплодисментами. «Визардс» вбегают на поле, разрывая плакат. Уилл выдергивает меня с места, и я поднимаю руки вверх, крича во все горло, поддерживая восторженную волну, бегущую по трибунам.

Футболисты трусцой бегут по полю к боковой линии, где их ждут тренеры. Ищу глазами Холдена, вглядываясь в номера на футболках. А вот и он, девятнадцатый! Накануне бодрился, однако сейчас заметно волнуется. Ходит взад-вперед с опущенной головой, покачивая шлемом в руках.

– И-и-и-и… все пропало, – комментирует Уилл.

Тычу ему локтем в ребро, мы опускаемся на скамейки, и я снова обращаю пристальное внимание на команду. На этот раз я ищу не Холдена, а Джейдена.

Вглядываюсь в лица игроков, слоняющихся по площадке. Одни разминают ноги, другие прыгают на месте, третьи общаются с тренером. Номер Хантера я не помню, знаю только, что он играет в защите, лайнбекером[10 - Позиция игрока в американском футболе; игроки этой позиции располагаются в защитном построении.]. Некоторые парни сняли шлемы, а кто-то еще нет, и это осложняет задачу разобраться, кто есть кто. В конце концов, я его нахожу.

Джейден неподвижно стоит лицом к трибунам со шлемом под мышкой и, прищурившись, разглядывает зрителей. Памятуя наш вчерашний разговор, понимаю, что он высматривает меня. Скользит голубыми глазами по рядам и наконец смотрит в моем направлении. Через пару секунд его губы растягиваются в кривой усмешке, и он едва заметно кивает. Не помашет ли? Нет. Снова надевает шлем, и его лицо скрывается за решетчатой маской. Джейден поворачивается спиной к трибунам, суровый и боевитый. Я и позабыла, как он выглядит в экипировке: футболка, обтягивая защитные щитки, делает

плечи еще шире. Он такой симпатяжка в плотно облегающем трико, только ни за что ему в этом не признаюсь. На спине номер «пятьдесят один».

Спрятав руки в объемные теплые карманы толстовки, наклоняюсь к Уиллу:

– Сегодня слежу за пятьдесят первым.

В центре поля рефери и капитаны команд бросают жребий, кому начинать, однако я не выпускаю из виду девятнадцатый и пятьдесят первый номера на боковой линии.

– За Джейденом Хантером? – удивляется он.

– Ага.

Раздается свисток, звучит объявление по громкоговорителю, и начинается игра. Отсыпаю себе полпачки чипсов Уилла, наблюдая, как Холден выкладывается по полной. По физическим характеристикам он как раз подходит на роль ресивера[11 - Игрок в команде нападения, который специализируется на приеме пасов.]: высокий, поджарый и отличный спринтер. Бегает он быстро, да только шанса реализовать свою скорость все никак не выпадает. Некоторые пасы в его направлении неудачны, а те, которые ему удается поймать, заканчиваются тем, что соперники валят его на землю. Пока хвалиться особо нечем, но, по крайней мере, играет он лучше, чем в прошлый раз. Я вскакиваю с места, когда Холден ловит мяч и летит, как ракета. Мы подбадривающе орем, он несется вперед ярд за ярдом, и вот уже очковая зона, как вдруг… атака и отбор мяча. Ну, бывает. Сажусь на место, а Холден кулаком лупит по земле. После матча будет весь в синяках, хотя его это мало волнует.

Джейден, напротив, играет совершенно иначе. Его роль заключается в атаке и блокировке противника. Когда команда уходит в оборону, я обращаю все свое внимание на него. Никогда прежде не задумывалась, но играет он прекрасно: расчетливо блокирует и неудержимо атакует соперника с мячом.

Ресивер команды «Иглс» принимает пас и бежит, но Джейден тут как тут. Главная причина, по которой его взяли в команду – это скорость. Забивал он всегда неважно, зато молниеносно догнать и уложить игрока на землю – всегда пожалуйста. Болею я очень бурно, Уилл, похоже, даже растерян. Всякий раз,

когда я всплескиваю руками, ловлю на себе его недоуменный взгляд.

Хоть мы и забили первый тачдаун[12 - Внос мяча в конечную зону соперника.] и заработали кое-какие очки, после двух периодов отстаем со счетом 19:7. Холден идет с поля к раздевалкам, пиная траву и сжав кулаки. Он самый целеустремленный из всех, кого я когда-либо встречала. Не знаю только, хорошая эта черта или наоборот, медленно губит его изнутри.

– Вопросик есть, – произносит Уилл, слегка от меня отодвигаясь. – С чего такой интерес к Джейдену Хантеру? Я думал, ты с ним знаться не хочешь.

Зрители встают со своих мест и по проходам между рядами двигаются к закусочным. На поле выступает духовой оркестр, а вокруг них вышагивает маскот[13 - Ростовая кукла, развлекающая болельщиков на матче.], талисман команды «Визардс».

– Не хочу, – машинально отвечаю я по привычке.

Конечно, это неправда, и я бы желала, чтобы Джейден вернулся в мою жизнь, только не знаю, сможет ли он теперь в нее вписаться. У меня сейчас и без того забот полон рот, и пока я с ними не разберусь, для него нет места.

Уилл с иронией рассматривает меня.

– Кензи, ты странная.

Рукой проводит по волосам и встает, опираясь ладонью на мое плечо. Он сегодня неплохо выглядит в светлых джинсах и белых конверсах. Уилл никогда не надевает форму со школьной символикой и лишь раз в году делает исключение для матча в честь возвращения выпускников, наряжаясь в футболку «Визардс».

– Я мигом. Только воды принесу. Не могу смотреть, как у тебя пригорает от узких штанишек Джейдена.

Смеюсь и качаю головой, глядя, как он скрывается из виду в толпе. Затем озираюсь по сторонам, ища знакомые лица. Машу парочке друзей, а потом

замечаю Даниэль на первом ряду. Интересно, она смотрела всю игру или только что пришла?

С начала года впервые вижу ее на футболе. Прошлый сезон они с Джейденом пропустили. Сложив руки на коленях, Дэни сцепляет и расцепляет пальцы, не сводя с них глаз. Девчонки, сидящие рядом с ней, о чем-то оживленно общаются и хохочут, и непонятно, Дэни из их компании или нет. Так или иначе, выглядит она совершенно одинокой и увлечена только своими пальцами. Здорово, конечно, что она снова вышла в свет, однако вид у нее отрешенный, и неизвестно, изменится ли это когда-нибудь.

Замечаю Уилла, когда тот плюхается на соседнее сиденье и дает мне бутылку с водой. Я зажмуриваюсь, пытаясь выбросить мысли о Даниэль из головы.

– Укусишь? – спрашивает он, протягивая свой хот-дог.

Я строю недовольную гримасу, заметив стекающий по булочке желтый соус.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу горчицу, – кривлюсь я с отвращением.

– Знаю. Потому и спросил.

Злодейски ухмыляясь, он откусывает огромный кусок. Тычу его локтем, надеясь, что он уронит хот-дог. Естественно, этого не происходит.

Пока Уилл занят едой, я опять вспоминаю Дэни. Никак не могу избавиться от мыслей о ней. Она по-прежнему сидит, не поднимая головы, и молчит. Ни один человек с ней не заговаривает. Догадывается ли она, что никто просто-напросто не знает, что ей сказать и что спросить, кроме «как дела?»…

Вот Джейден знает, он сам сказал мне вчера вечером.

Его слова эхом отдаются в моей голове, и в ту самую секунду я решаю, что подойду к Даниэль Хантер. И не с расспросами о ее самочувствии – и так ясно, что Хантеры уже слышать не могут подобное. Нет, спрошу о чем-нибудь «заурядном», что мы обсуждали в прошлом году, когда еще дружили.

Вскакиваю на ноги, и Уилл недоуменно глядит на меня с полным ртом.

– Там внизу сидит Даниэль Хантер, – говорю я, кивая на первый ряд трибуны. – Пойду поболтаю.

– Ты? Хочешь с ней поболтать? – усмехается он и, поняв, что я не шучу, добавляет: – Я думал… ты не можешь к ним и близко подходить.

– Не могу, – тихо вздыхаю я. – Но, может, иногда надо посмотреть страху в глаза?

Пробираюсь к проходу, то и дело роняя «простите, извините!», чтобы меня пропустили. Я обязана это сделать, чтобы заслужить прощение Хантеров. Я так хочу.

Спускаюсь по лестнице с решительным настроем, однако чем ближе я к первому ряду, тем медленнее становятся мои шаги. Не свожу глаз с Дэни. Рядом с ней пустое место, и я неуклюже на него опускаюсь. Почувствовав движение, она отрывает взгляд от ладоней на коленях, переводит его на меня и растерянно замирает.

– Привет! – улыбаюсь я, скрывая внутреннее напряжение.

Чувство вины возвращается, но я изображаю уверенность. Кажется, я знаю, как следует начать разговор. Надо просто вспомнить, как мы общались год назад. Надеюсь, она оценит это больше, чем сочувственные вздохи и осторожные вопросы.

– Джейден отлично играет, правда?

Взгляд голубых глаз смягчается, и Даниэль некоторое время молчит, изучая выражение моего лица, словно ищет подвох. Возможно, гадает, с чего бы мне говорить о Джейдене, если я целый год даже имени его не упоминала. Так и не поняв, в чем дело, она отвечает:

– Да. Я и позабыла, какой он молодец.

Ее голос тихий и слегка настороженный.

– Видала, как он уделал квотербека[14 - «Распасовщик», основной игрок команды нападения.] из Брумфилда? Тренер наверняка в восторге от его блока!

Уголок ее сухих потрескавшихся губ слегка приподнимается в легком намеке на улыбку.

– Ага, – отвечает она. – Холден тоже хорош.

– Согласись, да? Принял передачу с сорока ярдов! И сам, должно быть, рад, а то на прошлой неделе ни одного паса не поймал.

– Серьезно?

– Абсолютно, – говорю я и хохочу.

К моему удивлению, Дэни тоже почти смеется. Именно что почти. С прошлого года не слышала ее смеха.

Когда мы умолкаем, я слегка наклоняюсь вперед, чтобы рассмотреть соседок Даниэль, сидящих по другую руку от нее. Оказывается, это те же самые девчонки, которые были с ней в воскресенье. Хорошо, что они снова позвали ее с собой. Жаль только, не знают, как помочь ей влиться в коллектив.

Снова выпрямляюсь и натыкаюсь на выжидающий взгляд Дэни.

– Присоединишься к нам? Мы с Уиллом на задних рядах.

Она неожиданно хмурится, отстраняется назад, будто защищаясь, смотрит на меня с подозрением и непонимающе спрашивает:

– Зачем?

– Хочу сидеть рядом.

И это чистая правда, я действительно хочу. Вчерашний разговор с Джейденом убедил меня, что все не так страшно, как мне мерещилось, так что теперь попробую с Дэни. Может, Хантеры меня и не простят, но попробовать я обязана. Это меньшее, что я могу для них сделать.

Она глубоко вздыхает и отводит взгляд. Черные волосы скрывают половину лица, а у Дэни нет сил откинуть их назад.

– Нет, Кензи, спасибо, – бормочет она, глядя на поле.

– Ладно. После матча мы собираемся поесть жареной курочки в «Кейнс чикен» в Форт-Коллинсе. Может, поедешь с нами? – настойчиво интересуюсь я непринужденным тоном, скрывая отчаяние.

Знаю, что не стоит слишком давить. Но пусть она заметит, как я стараюсь и сколько отваги мне для этого требуется. Разумеется, болтать о ерунде легко, однако трудно игнорировать факт, что она по-прежнему страдает. У меня еще есть вопросы, которые нельзя задавать, вроде «как ты справляешься?», «как находишь в себе силы дышать?»

– Я подумаю, – отвечает Дэни, и я удивленно моргаю от того, что она не отказала мне наотрез.

Честно говоря, мне кажется, она попросту хочет от меня побыстрей отделаться.

– Да, подумай, пожалуйста.

Я поднимаюсь с места. Ее соседки умолкают и смотрят на меня, словно только что заметили.

– Если хочешь, можем подвезти. У Уилла в машине есть местечко.

– О'кей.

Машу ей на прощанье, поворачиваюсь, чтобы уйти, и слышу, как девочки наконец обращаются к Дэни. Наверняка спрашивают, чего я хотела. Мне все равно, пусть хоть об этом с ней поговорят.

Половина матча позади, снова начинается игра, и футболисты обеих команд возвращаются на поле в боевом настрое. Все поспешно пробираются к своим местам, и я тоже. Уилл пристально смотрит на меня, медленно качая головой, будто все еще не может поверить, что я решилась на разговор с кем-то из Хантеров.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает он, когда я сажусь. – Что ты сказала?

Поднимаю бутылку с водой из-под скамейки, искоса смотрю на Уилла и улыбаюсь.

– Пригласила ее с нами в «Кейнс чикен».

Глава 6

Команда Виндзора проигрывает Брумфилду со счетом 37:25. Напряжение среди болельщиков постепенно стихает. Холден в сердцах пинает поле и отбрасывает шлем, а мы с Уиллом покидаем трибуну, делая вид, что с ним незнакомы. Остальные игроки «Визардс» понуро пожали руки соперникам и поспешно скрылись в раздевалке, пристыженные очередным поражением. Этот сезон у нас однозначно не задался.

Ищу глазами Джейдена, но на поле его не видно. Скорее всего, предпочел быстренько ретироваться.

Вслед за Уиллом иду на парковку к его ярко-красному джипу, стоящему в миле от остальных машин, поскольку все прочие почитают за счастье кататься на десятилетних убитых «Хондах» и особо не заморачиваются с помывкой авто. По словам Уилла, он равнодушен к красивым тачкам, однако при этом старательно следит за блеском полированных дверец.

На парковке стоит галдеж, все потихоньку разъезжаются, и толпа рассасывается. Сегодня не очень холодно, и мы с Уиллом стоим у капота в ожидании Холдена. Мы всегда встречаемся на парковке. Как правило, он появляется минут через двадцать после окончания игры, и сегодня тоже вряд ли

задержится. Покидая трибуны, я пыталась найти Даниэль, но вокруг слишком уж много народу, так что затея почти нереальная. Не знаю, вышла ли она со стадиона, однако, похоже, моим предложением отправиться в Форт-Коллинс она не воспользуется.

Парковка пустеет, остаются лишь несколько автомобилей. Наконец, появляется Холден и движется к нам по бетонной площадке, точно грозовая туча. Он одет в джинсы, белую футболку. Свежий после душа и пахнет одеколоном. Правда, вне себя от ярости, что нас не удивляет.

– Анекдот какой-то, – бурчит он, сжимая челюсти.

Открывает багажник, бросает туда свою спортивную сумку и с грохотом захлопывает. Затем свирепо разворачивается и начинает размахивать бутылкой с водой.

– Этого брумфилдского кретина надо было штрафовать за незаконный блок! Раз пять, не меньше! Чуть футболку не порвал, сопляк!

– Ну, зато… – шагает ему навстречу Уилл, ободряюще ухмыляясь, – принять передачу с сорока ярдов дорогого стоит, скажу я тебе.

– Только этого мало, – ворчит Холден, качая головой.

Не судил бы себя так строго. Он сегодня отлично играл, но зацикливается только на минусах. Наверное, из-за стресса: он борется за футбольную стипендию. Несколько ребят из команды уже получили море предложений из колледжей по всему штату. Летом большинство из них согласились, и думаю, даже Холден понимает, что часики тикают, и, если где-то и были в нем заинтересованы, уже бы давно выслали приглашение. Теперь он себя бичует, потому что из-за неважного финансового положения родителей спортивная стипендия – единственный пропуск в колледж. Он опирается на капот и делает глоток из бутылки, глядя в темное небо.

– Еще есть время, – шагнув ближе, говорю я и одергиваю на нем футболку.

Он отводит взгляд, щеки еще пылают от гнева.

– Холден, ты отлично играешь. Любой колледж тебя с руками и ногами оторвет, брось.

Похлопываю его по груди и весело улыбаюсь, чтобы поднять ему настроение.

– Поверь в себя!

– Я знаю, что тебя развеселит, – вмешивается Уилл, обходит машину, открывает ее и, встав на цыпочки, смотрит на нас поверх крыши.

– Жареная курочка! Залезайте-ка внутрь.

И уже намеревается сесть в автомобиль, как вдруг замирает, опираясь на дверцу, и всматривается куда-то за нашими спинами.

Медленно поворачиваю голову в направлении его взгляда. Прямым курсом к нам движутся Джейден и Даниэль. Понимаю, как озадачен Уилл тем, что Дэни все-таки решилась, и совершенно не представляю, что думает Холден, однако за его выражением лица я не слежу, поскольку таращусь на Хантеров.

Они подходят к нам и останавливаются в паре шагов. Дэни выглядит неуверенно, но от прежней отрешенности не осталось и следа. Джейден кажется более расслабленным. Смотрит на меня сияющим взглядом, словно с вызовом.

– Мы едем с вами в «Кейнс чикен», – сообщает Дэни.

Перевожу взгляд на нее и тихо переспрашиваю:

– Мы?

Непривычно видеть их снова вместе. Из-за нового цвета волос Дэни сходство близнецов стало меньше заметно, однако все еще прослеживаются общие черты: голубые глаза и острый подбородок.

– Да, – отвечает Джейден.

Непохоже, чтобы сегодняшний проигрыш выбил его из колеи, в отличие от Холдена. Волосы у него еще не высохли после душа. Он снова весь в черном: и спортивные шорты, и кроссовки, и толстовка «Найк», та же самая, что вчера. Одной рукой он придерживает спортивную сумку через плечо, а другую прячет в кармане.

– Ну что, Уилл, найдется местечко? – улыбается он.

Холден смотрит то на меня, то на Джейдена. А я переглядываюсь с Уиллом, который из удивленного делается смущенным. Вспоминаю, что ничего ему толком не объяснила. Он выглядит совершенно растерянным. Наконец, решается и отвечает:

– Конечно. Садитесь.

– Отлично, – говорит Джейден. – Спасибо!

Он слегка подталкивает Дэни вперед, и она опасливо подходит к джипу, нервно сжимая пальцы рук. Брат открывает перед ней дверь, они друг за другом залезают в машину, а Уилл забирается на водительское сиденье.

Прежде чем последовать за ними, Холден, явно озадаченный этим сюрпризом, в замешательстве бросает на меня вопросительный взгляд. Он понятия не имеет о нашем разговоре с Дэни на матче и о том, что она пришла именно по моему приглашению. И разумеется, я никому не рассказывала о нашей случайной встрече с Джейденом вчера вечером. Мне ничего не остается, кроме как пожать плечами, поскольку, честно говоря, я до сих пор не понимаю, что творю и для чего. Пускай Холден едет на переднем, а я поеду с ребятами сзади. Закрываю дверь и понимаю, что нам придется потесниться.

Джейден по центру, мы с Дэни по обе стороны, свободного места в обрез. Сидим плечом к плечу, прижав локти. Да уж, не ожидала, что она придет с братом. Закрываю глаза, убеждая себя, что справлюсь и освоюсь в этой компании. Чувствую себя неловко, причем, главным образом, из-за того, что Джейден так близко. Он касается меня коленкой, но я не отдергиваю ногу и вдыхаю аромат его парфюма. Интересно, он случайно меня задел или специально? Холден громко хлопает дверью, и я открываю глаза. Выставив локоть в открытое окно, он подпирает голову рукой и молча смотрит наружу.

– Давненько я не был в «Кейнс чикен», – произносит Джейден, а я гадаю, чувствует ли он прикосновение моей теплой кожи.

Сердце екнуло. До сих пор помню, как он дотрагивался до меня, как держал мою руку, как двигались уголки его губ. Рядом с ним я скованна и пытаюсь отвлечься от назойливых мыслей, хотя это почти невозможно.

– Я не была там с прошлого года, – говорит Дэни.

Несмотря на будничный тон фразы, атмосфера тут же становится напряженной. Совершенно ясно, о чем все сейчас подумали: она имеет в виду с того дня, когда ее родителей не стало? На всякий случай мы молчим, опасаясь брякнуть что-нибудь не то, и весь спектакль с безобидной болтовней, который я всячески поддерживала, улетает в трубу.

Уилл заводит машину, и, к счастью, молчание нарушает Джейден:

– Сегодня сыграли получше, чем неделю назад, правда, Холден?

Закрываю глаза и прислоняюсь головой к оконному стеклу. Зря Джейден завел эту тему, она никак не подходит для легкой болтовни. Холден, не сочтя нужным оборачиваться, бурчит в ответ:

– Да не очень-то.

И продолжает возиться с подключением кабеля своего сотового к стереосистеме.

– Не согласен? – интересуется Джейден, не подозревая о переживаниях Холдена.

Я бы вмешалась и повернула разговор в другое русло, но совершенно не могу придумать, в какое. Уж лучше пускай пообсуждают матч, чем сидят в неловкой тишине.

– Очков набрали куда больше, чем в прошлой игре.

– И что с того? – парирует Холден, уставившись в телефон и пролистывая аудиозаписи.

Досадуя из-за проигрыша и недоумевая от присутствия Хантеров, он уходит в холодную оборону.

– Продули же. Если так дело пойдет, то и на следующей неделе матч сольем.

Он выбирает песню и бросает сотовый на центральную консоль. По ушам бьет танцевальная музыка, какая-то паршивая электроника. И если мы с Уиллом уже привыкли, что половина его плейлиста исключительно инструментальная, без вокала, то близнецы явно не готовы. Дэни даже вздрагивает.

Уилл, будучи более воспитанным, поспешно убавляет громкость к немалому возмущению Холдена. Мы едем по Мейн-стрит, и я вижу, как Уилл поглядывает на нас в зеркало заднего вида. Он изучает Хантеров с задумчивым любопытством.

– Ну, что, ребят, на Осенний бал пойдете?

В прошлом году их не было, оно и неудивительно. Мы с Джейденом договорились идти туда вместе, и я была очень взволнована: все-таки первый официальный совместный выход в свет. Однако этому не суждено было случиться. К счастью, Уилл с удовольствием составил мне компанию, как и во все предыдущие годы. Впрочем, тот бал не принес мне ожидаемой радости.

– Да, я в предвкушении, – отвечает Джейден, его лицо озаряется и, кажется, даже покрывается румянцем.

Он тихо смеется.

– Бабушка уже третий раз мне рубашку наглаживает, с ума сойти можно!

Каково это, когда отца и мать заменяют их пожилые родители? В детстве мне нравилось оставаться у бабушки и дедушки с ночевкой вместе с двоюродными братьями и сестрами. Бабуля угощала нас перед сном горячим шоколадом с зефирками, купленными специально для нас. А дед укрывал одеялом, укладывая

спать в огромной двуспальной кровати в спальне для гостей, и целовал нас на ночь. Мы любили проводить у них время, но при этом с нетерпением ждали, когда утром нас заберут родители. Представить не могу, что чувствуешь, зная, что они никогда не вернутся.

Тьфу! Я снова за старое.

Размышляю о смерти Брэдли и Кейт Хантер и оставленных ими детях: двух ребятах рядом со мной, болтающих о жареной курице, футболе и школьных танцах… В голове лишь один неотступный вопрос: «Как они справляются?» Просто поразительно. Пережили столько боли, а теперь едут в Форт-Коллинс на заднем сиденье джипа Уилла, чтобы расслабиться после игры.

Я так поглощена раздумьями, что пропускаю ответ Уилла мимо ушей. Трясу головой, чтобы вернуться к реальности. Так, все, хватит уже!

– Я не пойду, – бормочет Дэни.

Она сидит, откинувшись на спинку и скрестив руки на груди. Очевидно, не хочет там появляться. Вполне возможно, Джейден принуждает ее против воли, подталкивая к социальным контактам.

– Почему? – напористо интересуется Уилл, и я зыркаю на него в зеркало заднего вида.

Потом догадываюсь, что Дэни рада тону вопроса, поскольку в нем нет и намека на сочувствующую осторожность, и успокаиваюсь.

– Никто не приглашал, – откликается она, пожимая плечами.

Вот оно как! Я-то предполагала, что она сама не хочет вливаться в общество, а выходит, общество не рвется принимать ее.

– А с друзьями? – продолжает Уилл.

– На самом деле у меня нет ни одного, – признается она.

Грустно слышать подобное, ведь раньше у нее было множество друзей. Большинство девчонок, сидевших рядом с ней на матче, относятся к ней не так, как прежде. За год она отдалилась от всех знакомых.

– Ну, что ж, – говорит Уилл, сосредоточенно следя за дорогой.

Не придумав, что еще сказать, он переводит внимание на Джейдена, и я очень ему благодарна за поддержание беседы.

– А ты, Джейден? С кем идешь?

Вопрос этот крайне меня интересует, и я вытягиваюсь в струнку в ожидании ответа.

– Знаете Элли? Ту, что из одиннадцатого класса? Элеанор Буси? Вот с ней.

– Она милая, – выпаливаю я слишком уж громко.

Элеанор действительно очень симпатичная, и теперь у меня новые вопросы. Они встречаются? Или просто друзья?Пожалуйста, пусть между ними лишь дружба!

– Ага. Гаррисон из нашей команды идет с ее подругой, а я, так сказать, нечто вроде второго пилота, для постраховки.

Он смотрит мне в глаза и улыбается. Как камень с плеч. Значит, не встречаются, отлично.

– А ты с кем идешь? – спрашивает Джейден.

– Опять со мной, – вмешивается Уилл, поднимая вверх одну руку, а другой придерживая руль.

Улыбка Джейдена меркнет. Возможно, из-за воспоминаний, что на прошлогодний вечер мы должны были идти парой.

– Понятно, – отвечает он и отворачивается.

Уже начало одиннадцатого, до Форт-Коллинса еще минут двадцать езды, ну, или пятнадцать, если Уилл поднажмет. Денвер находится далековато, до него более часа, а вот Форт-Коллинс расположен ближе всех, и он определенно лучше Виндзора. Здорово иметь возможность периодически выезжать из города, пусть даже и за куриными палочками[15 - Блюдо из обжаренных в панировке кусочков куриного филе.].

Сейчас дорога темная и почти пустая. Мы проезжаем мимо широких полей, и навстречу лишь изредка попадаются автомобили. Колорадо славится природными красотами, но когда провел в этих краях всю жизнь, поля, горы и зеленые просторы приедаются. Я откидываюсь назад, закрываю глаза и слушаю музыку Холдена. В салоне повисает молчание. К счастью, в нем нет неловкости, однако мы не чувствуем себя полностью расслабленными. Уилл сосредоточенно ведет машину в темноте. Знаю, он это не любит. А Холден снова утыкается в телефон. Подозреваю, делает вид, что пишет сообщение.

Мы подъезжаем к Форт-Коллинсу, двигаясь на север, к центру города, и трафик становится намного активнее. Сейчас вечер пятницы, все студенты колледжа будут сегодня гулять с друзьями или отдыхать в барах. «Кейнс чикен» находится как раз в конце улицы, ведущей к кампусу, и, когда мы туда подтягиваемся, заведение уже переполнено, хотя до закрытия всего сорок пять минут. Уилл паркуется и глушит двигатель. Мы выпрямляемся, готовясь наконец-то вылезти из тесного салона. Еще одна минута рядом с Джейденом – и я того и гляди от волнения прокусила бы себе щеку.

Распахиваю дверь и вылезаю наружу, кутаясь в толстовку «Визардс» и засовывая руки поглубже в передний карман. Вечер становится все холоднее, порывы ветра усиливаются, но свежий воздух приносит несказанное наслаждение. Джейден выходит следом за мной, а я пристально изучаю другие машины на парковке. На противоположной стороне стоит автомобиль Кейли. Бьюсь об заклад, она и Джесс просто обалдеют, когда я появлюсь на пороге с близнецами. Все знают о нашей дружбе с Даниэль, романе с Джейденом и длительном перерыве в общении, так что мы непременно привлечем всеобщее внимание.

Я взволнованно кручу в пальцах кончики волос. Холден вылезает из машины, снова оглушительно хлопает дверцей и направляется к закусочной, не дожидаясь нас. Мы с Уиллом переглядываемся. Холдена и Джейдена никогда нельзя было назвать лучшими друзьями, однако прежде они неплохо ладили, в

конце концов, играют в одной команде. Но с прошлого года Холден, как и я, стал чувствовать себя скованно в обществе Джейдена. Да, собственно говоря, как и многие другие.

– У него все нормально? – интересуется Джейден, искоса глядя на меня.

– Да, – отвечаю я и заставляю себя улыбнуться, ожидая, пока Уилл запрет джип. – Ему надо заесть стресс после проигрыша.

Вчетвером идем к главному входу: мы с Уиллом синхронно вышагиваем впереди, Джейден и Дэни следом за нами.

– Ты в порядке? – шепчет Уилл, наклонившись ко мне.

А я не знаю, что и сказать, поэтому просто пожимаю плечами.

Он открывает дверь, и в нос бьет запах раскаленного масла и жареной курицы, просто убийственный, в хорошем смысле. Внутри полно народа, стоит гул, посетители за столиками смеются и болтают. Холдена не видно, зато у барной стойки сидят Джесс и Кейли со своими бойфрендами: Тэннером и Энтони. Они тоже меня замечают. Следом заходят Джейден с Дэни, и дверь за нами закрывается, оставив снаружи холодный воздух.

Джесс таращится на нас, потом что-то шепчет Кейли на ухо. Та оборачивается и смотрит на меня. Я бы решила, что это совпадение, но она хитро и азартно улыбается. Ну, да. Они определенно переговариваются о нас. Вообще, мои мотивы вполне легко понять: у меня просто нет выбора, я в моральном долгу перед Джейденом и Дэни. Объяснить это Джесс и Кейли прямо сейчас я не могу, и мне ничего не остается, кроме как улыбнуться им в ответ.

Наше появление не осталось незамеченным и среди других посетителей.

Шумная компания студентов колледжа усаживается в кабинку у окна, и им явно не хватает в ней места. Даррен стоит, опираясь рукой на перегородку, и смотрит на меня.

Глава 7

О нет, пожалуйста, только не сейчас!

Губы Даррена медленно растягиваются в улыбке, и на левой щеке появляется ямочка. Он выпрямляется, явно намереваясь подойти ко мне, и я внутренне мобилизуюсь. Его еще тут не хватало. В компании своих дружбанов он и в хорошем настроении ведет себя как последний подонок, так что сейчас я уж точно не смогу с ним сладить, тем более здесь, в «Кейнс чикен» и с Джейденом Хантером.

Уилл идет по залу, а я следую за ним тенью, не отставая ни на шаг, и едва не наступаю ему на пятки, чтобы побыстрее скрыться с глаз Даррена. К моему великому облегчению, Холден занимает пустую кабинку в другом конце закусочной. Сел, прислонившись к окну, и начал пересчитывать банкноты в кошельке.

Уилл садится рядом с ним, а я, стремясь скрыться от Даррена, проскальзываю в уголок напротив них. Дэни и Джейден следуют за мной. Теперь, когда мы наконец рассаживаемся по местам, мое напряжение от присутствия Хантеров исчезает. Все мысли занимает Даррен. Я откидываюсь на спинку и украдкой оглядываю помещение, прячась за Дэни. Взгляд скользит по многолюдному залу. Он все еще у перегородки, однако меня это не сильно успокаивает. На меня он не смотрит и, когда его компания взрывается от хохота, тихонько посмеивается. Выдыхаю и поворачиваюсь к ребятам.

– Может, возьмем одно ведерко на всех? – предлагает Уилл.

Мы все соглашаемся на порцию из двадцати пяти куриных палочек и выкладываем на стол наличку. Уилл собирает деньги и уходит к кассе.

– Мне кажется или Кейли Такер с Джесс Лопез на нас пялятся? – спрашивает Дэни впервые с момента выхода из машины.

Она говорит тихо, хмуро глядя на меня. Перевожу взгляд на их столик. Так и есть, девочки с любопытством нас рассматривают, однако, заметив меня, смущенно отворачиваются.

– Наверное, не ожидали тебя здесь увидеть, – честно признаю я.

Врать ей не хочу, ведь правда не так уж и жестока. Они изумлены, как и все остальные, в хорошем смысле слова. Умалчиваю только, что сильнее всего их удивляет мое присутствие рядом с ними.

– Да уж. Вот когда понимаешь, что живешь в маленьком городе – народ удивляется, встретив тебя на улице, – бормочет Дэни, натягивая длинные рукава черной блузки, и со вздохом скрещивает руки на груди.

– Дэни, – говорит Джейден, легонько толкая ее локтем.

Он хмурится, и в его голубых глазах мелькает что-то, что я не могу распознать, нечто вроде молчаливой настороженности.

– Просто надоело, что все мусолят одно и то же, – объясняет она глухим голосом и с грустным видом откидывается на мягкую спинку дивана. – Ты хочешь, чтобы мы начали жить как нормальные люди, а для этого надо чувствовать себя нормальными.

Джейден улыбается нам с Холденом, словно извиняясь. И мы снова оказываемся в ситуации, когда ни я, ни Холден не знаем, что отвечать.

– Можете себе представить, с каким нетерпением мы ждем выпускного, – шутит Джейден, выдавливая улыбку, желая разрядить обстановку.

Холден задумчиво разглядывает близнецов и в конце концов с интересом спрашивает:

– А почему? Планируете уехать из Виндзора?

– Надеемся, – кивает Хантер, а Дэни, посмотрев на него, раздраженно вздыхает.

Однако я прекрасно понимаю, почему близнецы хотят перебраться.
В следующем году они поступят в колледж в каком-нибудь другом городе, где никто не знает «трагедию Хантеров» и не будет ходить вокруг них на цыпочках,

как в Виндзоре.

Мы не успеваем опомниться, как вдруг кто-то подсаживается к нам в кабинку и занимает место напротив меня. Даррен Салливан. Мы с Холденом обеспокоенно переглядываемся, и я уже готовлюсь дать отпор незваному гостю, сказать, что сейчас неудачный момент, и посоветовать ему уйти. Парень, из-за которого я бросила Даррена, сидит рядом со мной.

– Привет, ребятки! – здоровается он нахальным тоном, надменно усмехается, ставит локти на стол и наклоняется вперед.

Будь мы наедине, он был бы счастлив, мил и обходителен. Но сейчас вокруг публика, и он меняется.

– Где были сегодня? – спрашивает Даррен, мельком взглянув на Холдена.

– На игре, – откликается тот коротко и, не задавая ответных вопросов, достает сотовый и опять делает вид, что набирает эсэмэс.

Он недолюбливает Салливана и меньше всего хочет обсуждать с ним матч.

Даррен смотрит на меня и ухмыляется.

– Ты тоже ходила, Кенз?

Его напыщенность меня злит. Удручает наблюдать столь резкий контраст в поведении. Я-то знаю, что он хороший человек, однако все остальные называют его «козлина Салливан». Видеть тошно эти кривляния.

– Да, Даррен, я тоже ходила, – медленно и твердо произношу я, демонстрируя недовольство его присутствием.

Джейден ерзает на краю дивана. Ему известна подоплека наших отношений с бывшим кавалером, а вот Салливан не догадывается о моих чувствах к Хантеру. И, надеюсь, так и останется в неведении.

– Не думала о нашем прошлом разговоре?

Мне не нравится постановка вопроса: можно подумать, наша беседа в понедельник состоялась по обоюдному желанию, а не потому, что он устроил мне засаду на работе.

Холден с подозрением прищуривается. Я не рассказывала друзьям о той встрече, поскольку не придала ей большого значения. Мы с ним постоянно сталкиваемся. Он является как гром среди ясного неба, заявляет, что скучает, и пытается все вернуть. Когда же до него наконец дойдет, что все его усилия напрасны?

– Нет, не думала, – отвечаю я, глядя ему в глаза, и внутренне молю, чтобы он ушел.

Надеюсь, мой ледяной тон убедит его, что в данный момент, несмотря на наши добрые отношения, его компания неуместна.

Все с той же дурацкой ухмылочкой он склоняет голову набок, не сводя с меня пристального взгляда, и раздумывает, что бы такого еще сказать.

И упускает возможность, так как неожиданно возвращается Уилл и ставит ведерко с курицей на стол. Заметив, что его место занято, он хмурится, а узнав Даррена, бросает на меня такой же встревоженный взгляд, как и Холден.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает Уилл, бросившись мне на защиту.

Он тоже терпеть не может Салливана.

– Пришел поздороваться со старыми приятелями, – отвечает тот, широко ухмыляясь и поднимаясь из-за стола.

Затем опускает руку Уиллу на плечо и снисходительно интересуется:

– Как жизнь, мажор? Папочка уже оплатил тебе Гарвард? Парня себе не нашел?

– Обхохочешься, – невозмутимо произносит Уилл, стряхивая руку Даррена и делая шаг в сторону.

Он засовывает руки поглубже в карманы джинсов и с достоинством выдерживает язвительный взгляд. На сей раз Салливан заигрался, и я не сомневаюсь, что его нахальство объясняется моим резким отказом в понедельник. Теперь он мстит, распушив перья и ехидно насмехаясь над моими друзьями. Несколько месяцев назад он бы такого себе не позволил.

– Даррен… – качаю я головой.

Не стоит тратить на него нервы, и я отмахиваюсь от него рукой.

– Хватит уже. Иди к приятелям.

Он быстро поворачивается ко мне.

– Ты не представила меня своим друзьям.

Я искоса гляжу на близнецов. Они оба молчат. Дэни чувствует себя еще более неуверенно, чем обычно, и растерянно смотрит в стол, изо всех сил стараясь не вмешиваться. А вот Джейден с любопытством разглядывает Салливана. Готова поспорить, он пытается понять, как я могла с ним встречаться. Иногда и сама задаюсь этим вопросом.

– Джейден Хантер, – говорит он и слегка подталкивает Дэни плечом. – А это моя сестра Даниэль.

Лицо Даррена на секунду смягчается, потом он вспоминает и вопросительно смотрит на меня.

– Хантер? – переспрашивает он, и я еле заметно киваю, подтверждая его догадку.

– Угу, – отвечает Джейден с натянутой усмешкой.

Сразу понимаю, что притворяется. Я знаю его искреннюю улыбку, она кривая.

– Понятно, – бормочет Салливан.

Он утратил боевой пыл и озадаченно почесывает шею. Мельком глядит через плечо на свою компанию, самую шумную в зале.

– Мне пора.

На него я больше не смотрю. Пододвигаю к себе ведерко с жареной курочкой и обращаю все свое внимание на поиск кусочка посочнее.

– Ага, давай, – жму я плечами. – Пока.

Мы молчим. Даррен разворачивается и бредет зализывать душевные раны к друзьям, которые, кстати, те еще козлы. Раньше они казались мне крутыми, но я ошибалась.

– Без обид, Маккензи, – говорит Дэни наконец, подняв глаза на меня, – но если я не ошиблась с выводами и это твой бывший, то могу смело заявить: ты встречалась с недоумком.

– Ты не ошиблась, – кивает Уилл.

Джейден молчит, однако ловит мой взгляд. Выражение лица у него мягкое, а глаза голубые, как льдинки, и совершенно нельзя понять, какого он обо мне мнения. Возможно, считает круглой идиоткой, раз вообще связалась с Дарреном. Или умницей, что все-таки оборвала эти отношения. И может, даже рад.

Глава 8

На обратном пути в Виндзор обстановка в машине становится явно комфортнее. Холден немного расслабляется, сползает на пассажирском сиденье, поворачивается к окну и смотрит в темноту. Однако к нашей болтовне все-таки прислушивается и даже иногда тихонько посмеивается, когда кто-то шутит. Уилл устал, притих и сосредоточенно следит за дорогой. Я снова расположилась сзади, только на сей раз между мной и Джейденом сидит Дэни.

Проезжая по Мейн-стрит, Уилл бросает на Хантеров обеспокоенный взгляд в зеркало заднего вида. В его глазах отражается блеск уличных фонарей, проносящихся навстречу.

– Где вы живете? – спрашивает он задумчиво и едва слышно.

Такое неловко спрашивать, и я, оказывается, тоже не знаю где. Год назад Уилл довозил близнецов до их дома к северу от проспекта на тихой улочке с видом на озеро. Теперь там живет другая семья.

– Пондероса-драйв, – не тушуясь, отвечает Джейден. – Рядом со спортивными площадками.

– А, понял, – поразмыслив, кивает Уилл.

Хотя наши с Холденом дома ближе, он не сворачивает с Мейн-стрит, чтобы нас высадить. Скорее всего, не хочет оставаться наедине с Хантерами и предпочитает пожечь бензин на обратную дорогу. Ничего страшного, я домой не тороплюсь.

Холден зевает. Наверное, утомился после матча. Он еще сильнее сползает в кресле, проводит рукой по лицу и трет глаза.

– Завтра буду спать до полудня, – бормочет он.

Интерес к подбору музыки он потерял, так что последние десять минут мы слушаем хит-парад каких-то отстойных ремиксов. Обогрев включен, и в салоне тепло.

– Везет тебе, – говорю я. – А мне к десяти на работу.

Сижу, прижавшись плечом к двери, не в самом удобном положении. Рука закинута за голову, и я медленно разминаю заднюю часть шеи. Неделя была долгой, и сегодняшний вечер оставил после себя множество вопросов, например: «Какого мнения обо мне Джейден?»

Краем глаза замечаю, что он слегка наклонился вперед, чтобы увидеть меня из-за Дэни. Глаза у нее закрыты, но она не спит.

– Ты все еще работаешь в центре «Саммит»? – интересуется он.

Устало смотрю на него. Похоже, ему действительно любопытно, продолжаю ли я пахать по пять смен в неделю. Он чувствует то же самое, что и год назад? Скорее всего, нет. А разве можно ожидать чего-то иного после того, как я его подвела? Только признавать это все еще больно.

– Ага.

– А завтра долгая смена?

– Да, до шести.

Джейден сочувствующе морщится, снова откидывается на спинку, скрываясь за сестрой. Я тоже расслабляюсь, запускаю пальцы в волосы и смотрю на тихие улицы Виндзора. Пятничный вечер, час не такой уж и поздний, однако дороги почти безлюдны. Мы проезжаем софтбольное поле Чимни-парка, на котором я ни разу не была за семнадцать лет жизни, затем сворачиваем на Пондероса-драйв. Довольно приятный район. Не такой престижный, как Уотер-Вэлли, хотя дома здесь миленькие, небольшие и более опрятного вида, чем там, где живу я. Джейден выпрямляется на краю сиденья и, взявшись за подголовник кресла впереди себя, высовывается между Уиллом и Холденом, чтобы показать дорогу.

– Вон там, где лодка.

Уилл давит на газ, и машина ускоряет ход, двигаясь к зданию у перекрестка. Он притормаживает у тротуара напротив дома бабушки и дедушки близнецов. Фонари на крыльце включены, однако в окнах свет не горит. Лужайка выглядит запущенной, хотя в темноте особо не видно, к тому же по периметру высажены невысокие кусты. Коттедж больше и красивее нашего, но меньше и скромнее предыдущего дома близнецов. На дорожке припаркована черная «Тойота Королла», на которой иногда ездит Джейден. А за ней, на площадке из гравия, стоит лодка, накрытая ярко-голубым чехлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Виндзор – город в штате Коннектикут (здесь и далее прим. переводчика).

2

Учебный курс с углубленным изучением предмета, выбираемый школьником в США в зависимости от его пожеланий и способностей.

3

Американская телевизионная передача в формате ток-шоу.

4

Двенадцатый американский размер обуви соответствует сорок четвертому российскому.

5

Девятый класс в США соответствует первому курсу обучения в средней школе, десятый – второму и т.д. Всего в средней школе четыре курса.

6

Город в штате Колорадо.

7

Eleven – сеть небольших супермаркетов при заправочных станциях.

8

Престижный жилой микрорайон в Виндзоре.

9

Согласно программе по подготовке к поступлению в университет, старшеклассники США и Канады могут выбрать несколько предметов для углубленного изучения.

10

Позиция игрока в американском футболе; игроки этой позиции располагаются в защитном построении.

11

Игрок в команде нападения, который специализируется на приеме пасов.

12

Внос мяча в конечную зону соперника.

13

Ростовая кукла, развлекающая болельщиков на матче.

14

«Распасовщик», основной игрок команды нападения.

15

Блюдо из обжаренных в панировке кусочков куриного филе.

Купить: https://tellnovel.com/ru/maskeym_estel/sdelay-shag

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить